

РАБОТНИЦА

МАРТ

1963

3

ОДИН ТО

Лучи наводят глянец на стеклянные фасады домов, щедро осыпают серебряными блестками гладь канала. Вдали излучина Волги, накрепко перепоясанная бетонной плотиной. На широких городских магистралях реки цветов. Присмирившие мальчишки стоят перед фотографией макета нового Балакова.

— Когда это будет?

Тот, что постарше, не раздумывая над вопросом своего рыжего приятеля, отвечает серьезно и уверенно:

— При коммунизме.

Лукавая усмешка появляется на веснушчатой физиономии, и твердый мальчишеский палец обводит на фотографии круг.

— А вот это видел?

Этот круг есть уже не только на плане, но и на земле.

Значит, этот удивительный город построят не при коммунизме, а еще раньше. На глазах поднимаются кварталы жилых домов, магазины с огромными витринами, вытягиваются улицы.

По утрам отходят от площади переполненные автобусы. Одни, неуклюже разворачиваясь, направляются в сторону старого города, к строительной площадке Саратовской ГЭС; другие выбирают в степь и мчат пассажиров к Комбинату искусственного волокна.

Девушка-кондуктор протирает vareжкой разрисованное морозом стекло. Удивительное дело! Ездишь три года по одной дороге, а кажется, что автобус уже сменил по крайней мере десять маршрутов — так изменилось все вокруг.

А пассажиры... Три года назад ездили только строители в робах, забрызганных бетоном. И в оживленных разговорах постоянно звучало слово «котлован».

Через год все чаще стало слышаться другое слово — «монтаж».

Еще через год можно было услышать:

— Видели, уже привезли оборудование?

А совсем недавно появились в автобусе франтихи-девчата (многие из них всего лишь месяц-два назад носили строительные спецовки и сапоги), и начались новые разговоры:

— В химцехе...

— А у нас в прядильном...

Автобус остановился. Встрепенувшаяся кондукторша громко объявила:

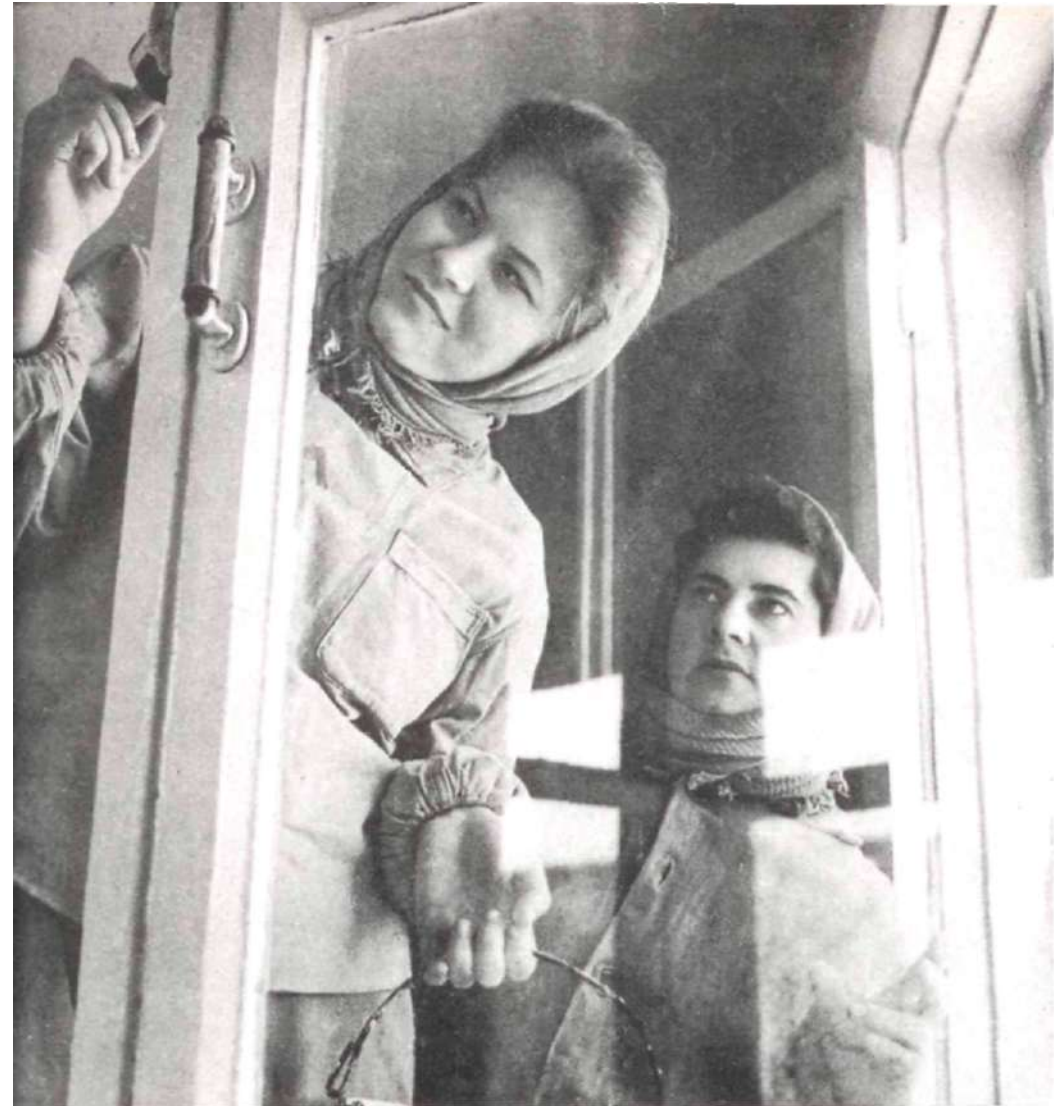
— Комбинат искусственного волокна!

Огромное желтое здание с яркой голубой полосой. Так называемый первый корд — целый комплекс цехов. В де-

Бригадир Александра Казнина (справа) довольна Лидой Стуловой, отличным маляром, студенткой вечернего отделения политехнического института) (верхний снимок).

Приятно работать в цехе, который строил сам. Одной из первых ткачиха Клавдия Каршина перешла на обслуживание трех станков.

Фото Н. Комарова.

ЛЬКО ЧАС

кабре прошлого года балаковские химики выпустили первые тысячи метров прочнейшей кордной ткани. Ее отправили шинникам Ярославля, Воронежа, Москвы.

Не прошло и двух месяцев работы, а лучшие работницы уже предложили обслуживать не два станка, как это полагается по нормам освоения, а три.

Балаковский комбинат набирает силу. А рядом поднимается в строительных лесах то, что связано пока со словом «будет». За желто-синим зданием — конструкции штапельного цеха, рядом — второй корд, который должен вступить в строй в этом году. Растет корпус центральной заводской лаборатории. На красной кирпичной стене транспарант: «Сменную норму — за 6 часов. Призываем всех!»

Пятый, решающий год семилетки, год большой химии, получил на старте хороший разбег. Народная инициатива с новой силой вспыхнула в разных уголках страны. Совсем недавно взбудоражил строителей призыв Луганскхимстроя, химиков и нефтяников Горького — досрочно ввести в строй новые предприятия и мощности большой химии. Этот призыв заставил пересмотреть планы, заново все подсчитать. Как выиграть во времени?

И ответ на этот вопрос пришел с новой вестью из Луганска: украинские шахтеры приняли решение выполнять сменное задание на час раньше.

Много говорили об этом балаковские строители. Один час в день работать в счет плана будущего года. В неделю таких часов шесть, а в году — 300. А если этот почин подхватит каждый? Сколько сделают миллионы человеческих рук за 300 часов!

Однажды после смены в тесной конторке собралась бригада каменщиков Юрия Супренкова. Речь бригадира была образцом краткости. Он спросил:

— Сможем?

Лучшие каменщики бригады — Клава Грязнова, Лиза Манышина — выполняют дневную норму на 120, 130 процентов. Но сможет ли это сделать каждый? Спорили, предлагали. А что, если распределить работу так, чтобы опытные каменщики вели кладку на самых трудных участках? А еще надо в конце смены готовить фронт работ на завтра, тогда уже утром дело пойдет без задержки.

Итак, решили: каждый член бригады каждый день выполняет сменное задание за шесть часов.

И тут возникло новое «но». А если простои, если вовремя не доставят материалов?

Через несколько дней так и случилось. Бригаде не подвезли кирпич. Можно было бы просидеть смену в бытовке у пышущей жаром печки. А как же слово? Не сдержать, оправдаться чужой нерасторопностью? Но ведь стройка-то своя!

За кирпичом поехали сами.

Уходя домой после смены, Клава Грязнова оглянулась на здание лабора-

Таисия Швалюк — лучшая электросварщица стройки. Недавно строители избрали ее депутатом Балаковского горсовета.

— Подросло... Закончим и посадим вокруг деревья.

Как незаметно входит в нашу жизнь завтрашний день! Мальчишка вдруг обнаружил в плане будущего города дома, которые уже сейчас стоят на земле. Он не может справиться с удивлением. А если оглянуться вокруг и внимательно присмотреться к вещам, которые мы считаем само собой разумеющимися...

В Балакове многие строители откликнулись на почин луганцев. Женщины-маляры из бригады Александры Казниной приняли решение выполнить план этого года за 10 месяцев. Депутат городского Совета электросварщица Таисия Швалюк дает полторы нормы в смену. Они не видят в этом ни героизма, ни самоотверженности. Рассуждают просто, по-хозяйски: так должен делать каждый, потому что стране очень нужен Балаковский комбинат.

По вечерам Шура Казнина собирает «семейный совет». Обсуждается план на завтра. Говорят сначала о работе, потом о делах в институте, на подготови-

тельных курсах, в школе (в бригаде многие учатся), выясняют, кому нужна помощь. В конце — самый сложный вопрос: в шестом классе средней школы, над которым бригада шефствует, появился «трудный» парень. Об этом, казалось бы, чужом мальчишке женщины говорят так же обеспокоенно, как о своих собственных детях. И за их взволнованностью чувствуется жизненное правило, без которого в коммунизм не войдешь: если увидел плохое, не проходи мимо, вмешаться, помочь — твое дело, твоя обязанность.

«Часом для будущего» назвали луганцы свое начинание. Один час приблизит нас на много дней, месяцев и даже на целые годы к победе коммунизма. Он не только даст возможность быстрее строить новые заводы, новые города, перейти в недалеком будущем на 6- и 5-часовой рабочий день, но и воспитает чувство высокой сознательности, ответственности каждого за общее дело.

Тамара АЛЕКСАНДРОВА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РАБОТНИЦА

Общественно-политический и литературно-художественный журнал

ОСНОВАН 8 МАРТА 1914 ГОДА

3

МАРТ

1963

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

НЕИЗВЕСТНАЯ ЕЩЕ СТРАНИЦА

Обыск кончался. Жандармы еще продолжали рыться в кухне и перетряхивали книги, а усатый ротмистр, отпихнув ногой груды белья из выпотрошенной корзины, сел писать протокол, прикрывая зевком рукой в белой перчатке, — арестов и обысков и без того было много, а теперь вот изволь возиться с женщинами. А результатов нет: чаще всего обнаруживается комплект «Правды» да членский билет какого-нибудь профсоюза или клуба, а теперь, когда газета выходит легально, с такими данными и к формальному дознанию не привлечешь... Вот и сейчас: из доноса провокатора известно, что женщина, в комнате которой идет обыск, Елена Федоровна Розмирович, является секретарем Русского бюро ЦК большевиков и социал-демократической фракции в Государственной думе, не один раз встречалась с Ульяновым-Лениным, ведет с ним постоянную переписку, а тщательный обыск у нее ничего не дал. Внезапно взгляд жандарма оживился: перед ним лежали выписки из устава женской политической организации, судя по всему, примыкающей к партии большевиков! Но один проект устава еще не доказательство того, что организация существует на самом деле, тем более что провокаторы ни о чем подобном не доносили. Нет, нагоняя от начальника охранного отделения не избивать...

А совсем недавно обнаружены документы о деятельности организации работниц Петербурга, созданной большевиками. Судя по документам, основой ее были группы работниц, входивших в состав открыто действующих профсоюзов и просветительных обществ. Но были и нелегальные группы, например, группа работниц завода «Новый Айваз». Руководящие же органы — общее собрание уполномоченных этих групп и избираемая им Исполнительная комиссия — действовали в глубокой тайне. Между прочим, жандармы так и не узнали о существовании объединенной организации петербургских работниц: настолько умело удалось ее замаскировать.

Большевики решили принять участие в III Международной конференции женщин-социалисток, назначенной на август 1914 года. Организатору конференции, видной деятельнице международного и немецкого рабочего движения Кларе Цеткин, был послан доклад о положении и борьбе работниц в России.

О деятельности объединенной организации петербургских работниц в 1914 году и подготовке к Международ-

ной женской конференции рассказывает публикуемая ниже корреспонденция, полученная Н. К. Крупской, жившей в то время в эмиграции в Поронице, из Петербурга и переписанная ею от руки. Посылая корреспонденцию И. Ф. Арманд в Швейцарию, Н. К. Крупская писала:

«6 VII. Дорогая Инеса, из разговора с товарищами выяснилось, что в СПб существует объединенная организация петерб. работниц. Товарищ написал отчет (он сам присутствовал на собрании) о работе этой организации. Необходимо, по-моему: 1) сейчас же сообщить сие Цеткиной в дополнение к посланному докладу, 2) послать перевод корр. для напечатания в «Gleichheit» и «Arbeiterinnenzeitung»¹. Если найдешь нужным последнее — я думаю, что безусловно необходимо послать корр., — посылай корр. для перевода Загорскому — с просьбой спешить, послать в обе газеты от твоего имени».

Ниже мы приводим текст корреспонденции:

«С. ПЕТЕРБУРГ. 15-го июня ст. ст. 1914 г. состоялось 3-ье по счету собрание объединенной организации петербургских работниц для обсуждения вопроса о посылке делегатов на 3-ю Международную конференцию женщин-социалисток. Всего присутствовало 16 уполномоченных с правом решающего голоса и 1 с правом совещательного».

¹ «Gleichheit» («Равенство») и «Arbeiterinnenzeitung» («Газета работниц») — зарубежные женские периодические издания. Первое было органом германской социал-демократии, второе — австрийской.

Инициатива создания объединенной организации петербургских работниц принадлежит группе марксисток, работавшей по организации Международного женского дня. Организация была ослаблена арестами, бывшими в связи с празднованием этого дня, но потом объединенная организация стала вновь функционировать.

Избраны были представительницы 10-ти профессиональных союзов (металлистов, текстильщиков, портных, картонажников, служащих трактирного промысла и т. д.) и 4-х культурно-просветительных рабочих обществ, работниц-марксисток завода «Новый Айваз» и группы женщин-марксисток — инициаторов женской организации.

Первое собрание объединенной организации петербургских работниц состоялось в середине мая месяца. На нем был прочитан доклад о значении Международной женской конференции для рабочего движения вообще и женщин-работниц в частности.

После обсуждения доклада решено принять участие в 3-й Международной конференции женщин-социалисток, посылать не менее 2-х делегатов от г. Петербурга, причем избраны должны быть непременно работницы.

На втором собрании обсуждался вопрос о приглашении на заседания объединенной организации работниц г. Петербурга и делегатов от тех союзов и просветительных обществ, в которых большинство правлений состоит из ликвидаторов (таких союзов и культурно-просветительных обществ 3).

Решено, в интересах цельности и единства рабочего движения, пригла-

Гравюра В. Рассокина.

сить делегатов и от этих союзов и обществ, если же есть какие-либо женские ликвидаторские группы, то сделать предложение и им. Обсуждение этого вопроса заняло много времени и вызвало горячие споры. Затем обсудили вопрос о средствах на посылку делегатов. Решено поставить на обсуждение членов союзов и культурно-просветительных обществ о том, чтобы они для этой цели изыскали средства, в размере 10 — 15 руб., каждое общество и союз.

3-е собрание (15-го июня) открылось докладами уполномоченных, из которых выяснилось, что постановления собрания уполномоченных их организациями приветствуются и организации обещают с своей стороны всяческую моральную и материальную поддержку, расходы по посылке делегатов организации берут на себя, в размере до 15 р. на организацию.

Далее делает доклад исполнительная комиссия женской организации о своих переговорах с членами из ликвидаторской группы по организации женского дня.

Ликвидаторы выразили согласие войти в женскую объединенную организацию, но лишь при том условии, что они будут пользоваться столькими же голосами, как и правдисты, и из 2-х делегатов одна будет ликвидаторша. Собрание поручило исполнительной комиссии передать ликвидаторам, что не может быть и речи о том, чтобы 3 профес. и культурно-просветительные общества имели столько же голосов, сколько 14-ть, что двери организации для них открыты, но на тех условиях, что каждое ликвидаторское общество имеет право, как и правдистское, лишь на 1 голос.

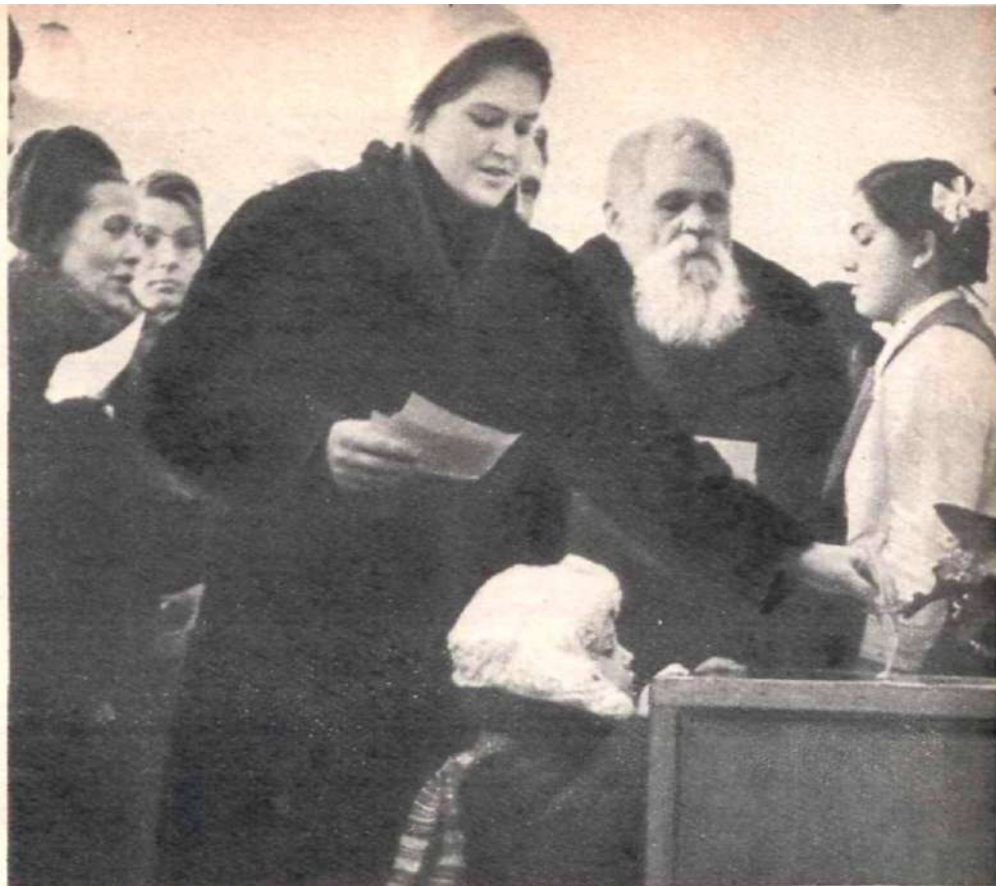
Затем перешли к вопросу о необходимости связаться с московскими организациями по организации женского движения.

Постановлено послать в Москву для доклада о положении дела в Петербурге и для установления постоянной связи между обеими столицами. Сделано сообщение о приезде делегатки из Риги по организации женского движения».

В интересах соблюдения конспирации в корреспонденции не названо ни одной фамилии, ни слова не говорится о связях организации работниц с редакциями «Правды» и «Работницы», с Петербургским комитетом большевиков и другими партийными организациями. В августе 1914 года началась первая мировая война, и III Международная конференция женщин не состоялась. Многие передовые работницы были арестованы и высланы из столицы. Но традиции организации не пропали. В марте 1915 года от имени организации вышла листовка, призывавшая работниц выступить против войны. В сопоставлении с другими материалами публикуемый документ позволяет нам прочитать одну из увлекательных страниц истории борьбы нашей партии за организацию женского пролетарского движения.

Письмо Н. К. Крупской и корреспонденция хранятся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и публикуются впервые.

О. ОБИЧКИН

Как большой всенародный праздник торжества советской демократии прошли 3 марта выборы в Верховные Советы союзных и автономных республик и в местные Советы депутатов трудящихся. На снимке: в день выборов на 141-м избирательном участке Первомайского района города Москвы.

Фото Н. Маторина.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Н. МОНЧАДСКАЯ

Это походило на поединок. Правда, в комнате были и другие. Сидели главный врач больницы, секретарь заводского парткома, директор комбината — все люди солидные, серьезные. И говорили-то больше они, спрашивали, подавали реплики. Но не пропало ощущение, что главный бой происходит между двумя женщинами.

Одна сидела на председательском месте за длинным, узким столом. Невысокая, невидная, с внимательными глазами, то совсем темно-серыми, то прозрачными, как родниковая вода.

Вторая стояла между столом и дверью. Сухая, с лицом, похожим на стертую деревянную ложку. Бессильно повисли вялые руки. Вся какая-то скользкая, тусклая, будто молюю траченная. И ведь еще не старая, сорока, вероятно, нет. Глаза опущены, а когда смотрит на сидящую за столом, в них мелькает что-то колющее. Не вжется этот злобный взгляд с елейным голосом, покорными словами.

Идет заседание исполкома поселкового Совета. Разбирают деятельность руководителя религиозной секты Надежды Львовой, той, что стоит сейчас и прикидывается тихоней.

Ведет заседание председатель исполкома Аграфена Яковлевна Пискунова. Она смотрит на смиренницу Львову и

вспоминает разговор, происходивший в этой самой комнате недели две назад. Тогда плакала и жаловалась на свои обиды пожилая женщина, одна из многих, одуроченных Львовой.

— Я ж ей все делала: и огород полола, и шерсть пряла, и варежки вязала, и полы мыла. А она хоть бы разочек спасибо сказала. Только одно и слышала от нее: «Богу так угодно», да «бог так хочет»... А чтобы мне поесть досыта, этого бог не хочет?

С того разговора и потянулась веревочка, раскрылась двойная жизнь Львовой, Гредниковых, Банщиковых.

Банщиков — в прошлом уголовный преступник. Все они не работали, жили, сторонясь жизни. Втягивали в секту людей неопытных, попавших в беду. Сначала обласкивали, а потом заставляли на себя работать.

— Ну, что ж, отпустим гражданку? — услышала Аграфена Яковлевна басовитый голос одного из членов исполкома. — У нас нет к ней вопросов?

Когда Львова неслышно притворила за собой дверь, он же и предложил:

— Передадим дело в суд — и точка. Пусть высылают из поселка.

— А я думаю, это мы всегда успеем, — негромко возразила Пискунова. — Сначала надо попробовать воспитать.

Сидящие переглянулись. Любимые слова председателя исполкома — «воспитывать, воспитывать надо людей!» Только в безнадежных случаях идет она на административные меры.

Забывав немного вперед, скажу, что и Надежду Львову много раз вызывала в исполком Пискунова, убеждала, доказывала. Обращалась к материнскому чувству Львовой: ведь у нее сын растет, ему жить, а что хорошего видит он в доме матери? Но Львова упрямо, злобно молчала и продолжала свое. Убедившись, что, стараясь спасти одну Львову, она рискует повредить многим, Аграфена Яковлевна согласилась: надо передать дело в суд.

Разные люди с разными заботами, тревогами, просьбами обращаются в поселковый Совет.

Пожилая женщина жаловалась: два сына живут по-хорошему, семьями обра-

Аграфена Яковлевна Пискунова.

велись, работают, учатся, а младший — непутевый. Год назад женился. Мать думала: теперь озадаченится. Ничего подобного! Месяца два продержался, а потом опять пьянство, прогулы, драки.

— Вы ж его знаете, Аграфена Яковлевна, — говорила женщина. — Он у вас учился...

Да, Пискунова помнит. Парнишка и тогда был не из легких. Но классную наставницу уважал, она умела обуздать буяна.

— Поговорите с ним, — просит мать. — Ведь он добрый. Только шальной какой-то. Водка губит.

Аграфена Яковлевна заходит к бывшему своему ученику, теперь рабочему хлебозавода. В маленькой комнатке теснятся мать, сын, невестка, новорожденный. Она заходит еще и еще, уставая, после напряженного дня в исполкоме, разговаривает с парнем по-хорошему, а другой раз пытается усюветить. Но случалось, что и после задушевных

бесед с бывшей учительницей парень, словно одержимый, кидался из дому, а возвращался под утро пьяный, скандалил.

Тогда председатель исполкома решила: пошла на завод, узнала, что парень стоит в очереди на получение жилья, и попросила дать комнату не ему, а его жене, тоже работнице. Так и сделали. И тут, оскорбленный, увлеченный, он сам пришел в исполком.

— Не дадим куражиться над женой и матерью, — жестко сказала ему Пискунова. — Будешь жить по-хорошему — живи, а станешь буянить — иди на все четыре стороны.

И, представьте, помогло. Похоже, что в новом доме и жизнь у семьи пошла по-новому.

Пашино — большой рабочий поселок в тридцати километрах к востоку от Новосибирска. Существует он десять лет. Немногим меньше работает в исполкоме поселкового Совета Аграфена Яковлевна Пискунова.

В письменном столе она хранит альбом, который сделали и подарили поселковому Совету ученики одной из местных школ. Это история поселка в фотографиях. Есть страницы, на которые Аграфена Яковлевна смотрит с особым чувством.

Деревянный барак. Здесь помещалась начальная школа № 34, в которой учительствовала Пискунова. Часть классов была в доме, где теперь поселковый Совет. На другом фото — отличное двухэтажное каменное здание за красивой оградой среди зелени. Сюда перенеслась тридцать четвертая школа. Но Пискунова недолго поработала в новом школьном доме. Ее избрали сначала секретарем, а потом и председателем исполкома поселкового Совета.

Скоро кончается срок полномочий поселкового Совета, скоро выборы. Перед этим Пискуновой предстоит отчитаться за работу исполкома. Большое, серьезное дело!

...Наступил вечер. Давно разошлись сотрудники исполкома. Тихо в доме, таком шумном и многолюдном днем. Пискунова сидит за письменным столом, перед нею ворох бумаг, документов, вырезок из газет. Она пишет:

«За 1961—1962 годы в поселке построено и сдано в эксплуатацию 3718 квадратных метров жилой площади. В благоустроенные дома переселилось более 130 семей...»

Коротко, сухо, а сколько за этим волнений, упорства, хлопот! Взять хотя бы тот 16-квартирный дом для учителей и медицинских работников.

Строительство шло медленно, один за другим ломались сроки. Не было, кажется, дня, чтобы председатель исполкома не забегала на стройку. Ругалась с прорабом. Помогала доставать материалы. Беседовала с рабочими. Потом установили депутатский контроль. Обсудили ход строительства на исполкоме. Прораб клялся, что в июне дом будет готов. Прошел июнь, июль, кончился август. А отделочные работы все тянулись. Тогда Пискунова написала в «Вечерний Новосибирск». Опубликовали. И как подействовал! Дом был закончен меньше чем за месяц.

А строительство дороги! Новосибирск близко, а поди доберись до него в распутицу или в метель! Наконец добилась:

проложили хорошее шоссе. Но на два километра не дотянули до поселка. А эти два километра каждую весну и осень дорого обходились поселковому Совету. В прошлом году подпочвенные воды хлынули на дорогу и разрушили полотно. Между школой и клубом разлилось озеро. Ни пройти, ни проехать. Люди отправлялись в обход. А машины?

Пискунова просила помочь директоров предприятий, расположенных в поселке. Но они отмахивались. Тогда пошла на крайнюю меру — закрыла движение по дороге. Тут сразу обрели голос руководители предприятий. В Новосибирск полетели жалобы на самоуправство председателя исполкома.

«Жалуйтесь, жалуйтесь, — думала Аграфена Яковлевна. — Может быть, хоть это заставит взяться за дело...»

Пискунову вызвали в райисполком. Она без спора согласилась: жалоба обоснованна.

— Ой, хитришь, Аграфена Яковлевна, — сказал председатель райисполкома. — Давай выкладывай, что тебе нужно.

А Пискуновой нужно было только одно: чтобы дорогу привели в порядок и дотянули до поселка.

Общими усилиями быстро засыпали размытую яму щебенкой. А на 1963 год включили в план окончание шоссе.

...Нет, так никогда не кончилось писать отчет, если дашь волю воспоминаниям. А рассказать надо о многом. Благоустройство, медицинское обслуживание, народное образование, культурно-просветительная работа, торговля — всем занимался исполком за отчетный период.

На предвыборном собрании Аграфену Яковлевну Пискунову снова выдвинули кандидатом в депутаты Пашинского поселкового Совета. Выступали рабочие, говорили тепло, уважительно. А на другой день в исполком пришли несколько работниц и сказали Пискуновой:

— Выдвинули тебя, Аграфена Яковлевна, нашим депутатом. А главный наказ мы тебе дадим такой: оставайся прежней нашей Груней, тогда мы тебя во всем поддержим. Если же зазнаешься — не взъищи, будем критиковать.

3 марта Пискунову вновь избрали в поселковый Совет. По-прежнему она председатель исполкома.

...Домой возвращается Аграфена Яковлевна поздно. Идет дальней дорогой, мимо детского сада, новой школы, клуба. Утром-то некогда, бежит через поле, напрямик. А вечером хочется пройти по новым улицам. В домах красиво светятся разноцветные, как елочные фонарики, окна. Из клуба доносится музыка. Ярко освещены витрины магазина. После забот и волнений минувшего дня особенно приятно все это видеть.

Скрипит голубоватый снег под ногами. Аграфена Яковлевна идет медленно, здоровается с прохожими. Отдыхает. Ведь завтра предстоит такой же тревожный, наполненный хлопотами рабочий день. Заниматься ей придется самыми разнообразными делами, ибо разнообразна, не укладывается ни в какие расписания жизнь людей. А Совет депутатов трудящихся — от поселкового до Верховного — для того и существует, чтобы делать эту жизнь лучше, чище, выше. Ему до всего дело.

пос. Пашино,
Новосибирск.

Елена УСПЕНСКАЯ

НОВЫЕ СТРАНИЦЫ

Первые корреспонденции журналистки Елены Борисовны Успенской появились в 1942 году в газете «Пионерская правда», где она в ту пору работала.

Затем ее рассказы, очерки и взволнованные публицистические статьи стали печататься на страницах «Правды», «Огонька», «Комсомольской правды».

Первая повесть писательницы «Наше лето», посвященная жизни студентов-биологов, была опубликована в 1948 году. Позже в издательстве «Молодая гвардия» вышел сборник рассказов «Я звоню с аэродрома» и повесть о жизни коммунистических бригад «Третья заповедь».

В 1958 году журнал «Новый мир» напечатал повесть о молодоженах-строителях Заполярья — «Жена шагающего».

В соавторстве с поэтом Львом Ошаниным Е. Успенская написала две пьесы «Твое личное дело», «Я тебя найду» и сборник «Енисейские раздумья», родившийся в результате путешествий по Красноярскому краю.

Сейчас Елена Борисовна Успенская готовит к печати книгу публицистики «Вчера, сегодня, завтра», которая явится итогом двадцатилетней работы в журналистике.

Большинство героев писательницы — молодежь: строители, студенты, учителя. Героиня новой повести, с которой мы начинаем сегодня знакомить читателей, продолжит галерею созданных Успенской характеров наших молодых современников.

ДЕВУШКА С ДАЛЬНОЙ БИРЮСЫ

Маленькая повесть

Бессонная девчонка

Кто-то тихо взвизгнул. Доська прислушалась. Показалось? Нет. Визг повторился, только на этот раз он был громче, настойчивее. Доська никак не могла понять, откуда этот визг. Она пошла вдоль палубы, но в каютах за спущенными шторками было совсем тихо. Ветер подталкивал ее в спину, подталкивал все сильнее, сильнее, так, что она даже ускорила шаг, а затем, словно решив, что Доська идет все-таки слишком медленно, обошел ее с двух сторон, упругими струйками пролился между пальцами, панибратски взъерошил волосы и, тихо свистнув, скользнул в Енисей, выкрутившись витьим белым барашком.

На палубу выскочил заспанный мальчик в громадных резиновых сапогах.

— Опять плачет? — озабоченно спросил он Доську и побежал по трапу наверх. Доська за ним.

Мальчик подбежал к трубе, в которой, к удивлению Доськи, оказалась дверца, открыл ее и присел на корточки, заглядывая в темноту. В глубине трубы спал, свернувшись, рыжий щенок. Ближе к дверце, растопырив лапы, сидел точно такой же щенок, только раза в три меньше, и визжал.

— Ведь сытый же, — недоуменно сказал мальчик и, оглянувшись на Доську, прибавил высокомерно: — Лайка. Остяцкая. Ездбвая.

Доська завистливо оглядела ездбвую, которая, впрочем, пока была еще совсем непохожа ни на лайку, ни на ездбвую, ни вообще на что-нибудь путное.

Второй щенок тоже проснулся, сонно моргая, поглядел на

них, потом зевнул длинно, по-детски, с привизгом и снова свернулся клубком.

— Подложи маленького к нему, — посоветовала Доська. Мальчик сунул щенка между лапами другого. Маленький ткнулся мордой раз, два, спрятался в теплую шерсть, вздохнул глубоко и затих.

Доська снова спустилась на палубу. Щенок уткнулся в старшего, надежного, и затих.

А ей холодно. И Енисей такой широкий. Говорят, это красиво, а вчера, когда лесистые берега наступали на синюю воду, было, кажется, лучше. Мир был пустой по-прежнему, но хоть потеснее. А сегодня этому миру конца-края нет. Вчера тоже было плохо. И позавчера. И давно. С тех пор, как у них с Андреем все кончилось.

Внутри теплохода было так уютно и светло, что казалось невозможным поверить в то, что теплоход режет упругое холодное сопротивление воды и ветра. Доська, привычно бесшумно ступая, шла по длинному коридору, словно ночью на обходе в больнице. Только здесь она никому не была нужна. Никто не шепчет: «Сестричка! Донюшка!» По обе стороны за полированными дверями кают спали здоровые люди и даже не просто здоровые, а счастливые люди. Доська постояла возле своей каюты, хотела было войти, но не решилась. Там снова ждала ее эта проклятая, вечно горячая подушка, на которой невозможно уснуть.

«Еще разочек», — решила Доська и снова пошла по дорожке коридора.

«Нам бы такое помещение, — подумала она. — И комнатки, как каюты, на одного-двух, чтобы спали, а если бы еще круглое окно, да с таким видом...»

Рисунки П. Пинкиевича.

Донька не выдержала и усмехнулась: она уже не раз ловила себя на том, что если ей где-нибудь очень нравится, то немедленно хочется перевезти сюда больных.

Ее травматологическое отделение размещалось в одном коридоре. Часто ей нравилось, что оно такое маленькое — всего шесть палат. Но когда больных привозили много, особенно в гололедицу или под праздник, Донька сердилась и, лавируя между койками в коридоре, ворчала: «Упрятали в тесноту...»

Потом она стала присматриваться и решила, что их отделение строили два человека: маленькие палаты — добрый, а большие — злой. В больших лежать было трудно, душно, больные мешали друг другу спать, а иногда даже ссорились. Это Доньку удивляло: она думала, что больной человек не может испытывать никаких мелких чувств.

Может быть, это потому, что когда человеку очень больно, то ему кажется, что боль усиливается от всего: от яркого света, от смятой подушки, от громкого голоса, даже от какой-нибудь фразы в книжке?

Донька еще раз поднялась на палубу, и ветер, словно узнав ее, бросился навстречу. Он был такой плотный, этот ветер, что Доньке вдруг показалось: его можно побольше набрать в горсть; если нести очень осторожно, то, может, донесешь до каюты и там выпустишь на подушку, чтобы она наконец перестала быть горячей. Она даже попробовала это сделать, но ветер вдруг сделался гибким, как хлыст, проскользнул и умчался. Она смущенно оглянулась: нет, никто не видел.

Перед дверью каюты она снова помедлила. Скорей бы домой... Обрато. Там некогда думать о себе. Но путевка на две недели, а прошло всего три дня.

В каюте было душно. Рябые тусклые полоски света с освещенной палубы падали через шторку на Донькину подушку. Вера Николаевна приподняла седую голову.

— Опять не спишь, дурочка?

— Я сейчас...

Донька бесшумно скользнула под одеяло и затихла. Она легла неудобно, не укрывшись как следует, но не хотела шорохом тревожить Веру Николаевну, которая спала хрупким старческим сном. Она хорошая, Вера Николаевна, ни о чем не спрашивает...

Вообще в этом смысле Доньке повезло. Две верхние соседки тоже почти не разговаривали с ней. Беленькая Галя читала и грызла кедровые орехи. Она читала утром, днем, вечером...

Когда Вера Николаевна спрашивала ее, что она читает, Галя поднимала потусторонние глаза, быстро взглядывала на обложку, не всегда правильно произнося, называла фамилию автора и снова утыкивалась в книгу. «Несистематическое чтение», — констатировала Вера Николаевна, но ничем не ме-

шала Беленькой Гале. Она вообще никому не мешала и, казалось, принимала всех людей такими, как они есть. Даже когда Черненькая Галя в первый же вечер заявила, что «самое главное для этой водяной волокиты — подыскать подходящего мальчика», Вера Николаевна только улыбнулась и заметила, что путевка Черненькой Гале, видимо, «не в коня корм».

На следующий вечер Галя сообщила, что подходящий мальчик нашлся, но отбивает какая-то Рыжая из Перми. На третий выяснилось, что Рыжая взяла верх, но Черненькая Галя не унывала, она быстро нашла двух подружек, они ходили втроем, держась за руки, и пели высокими голосами: «А у нас во дворе есть девчонка одна...»

Правда, в первый же день к Доньке подошел коренастый парень с очень голубыми глазами и так, словно имел на это право, спросил, как ее зовут. Глаза у него были добрые. Донька растерялась и ответила.

— А что ты умеешь делать? Петь, танцевать, читать с выражением?

Донька когда-то умела и петь, и танцевать, и часто читала вслух, сначала деду, а потом больным. Но все это было очень давно, когда она еще не любила Андрея. Семь месяцев тому назад. Она поглядела на своего собеседника горькими взрослыми глазами и сказала, что она ничего не умеет. Но он, видимо, не понял ее. Стоило ему только завидеть Доньку, он нечутко кричал: «Донька, иди на беседу», «Донька, давай подпевай!» — видимо, забыв, что петь она теперь не умеет.

Вадим приставал ко всем, такова уж была его обязанность: он работал на теплоходе массовиком.

Донька видела, как он прижал к перилам на самом ветреном участке палубы профессора из Москвы. «Вы же историк, — ухоризненно уговаривал он. — Ну что вам стоит поделиться знаниями с народом?» Историк отвечал, что он никогда не занимался Сибирью, а делится с народом тем, что он знает, в книгах и на лекциях, сейчас же хочет просто подышать воздухом. Чем кончился этот разговор, Донька сразу не узнала, так как профессор оглянулся, и она независимо пошла дальше. А вечером, кажется, все-таки была его лекция.

На следующий день Вадим занялся преследованием седого человека в роговых очках, который подолгу бродил по палубе и что-то мурлыкал про себя. В вечер отплытия Донька видела, как он стоял на корме, где девушки пели задумчивую песню, покачивал головой в такт ей, а потом тихонько пошел по палубе. Доньке показалось, что он пронес мимо нее что-то свое, особенное, заповедное...

Вадим ходил за ним долго, в чем-то убеждал, а седой человек, сняв очки, поглядывал на него незащищенными близорукими глазами. Потом он надевал другие очки, с биноклем, и смотрел на берега.

Доньке становилось горько, что он настолько близорук, и

Новые стихи

Ирина СНЕГОВА

* * *

Я смотрю, как быстро и искусно
Рубят в поле женщины капусту.

В этих грядках, сизых и лохматых,
Говорят, и нас нашли когда-то...

Я лежала на листе капустном,
Хрусткий холод чувствуя спиною.

Медленно, торжественно и пусто
Небо проплывало надо мною.

И тогда она ко мне склонилась,
Мать моя, от ветра заслонила —

Самую свою большую милость
В этот миг мне жизнь моя явила...

* * *

Убирают женщины капусту,
Ветер сыплет пылью ледяною.

Медленно, торжественно и пусто
Небо проплывает надо мною.

* * *

Жив-здоров. Не глядишь на другую.
Вот и все. Остальное стерплю...
Не грустишь? Но и я не тоскую.
Разлюбил? Но и я не люблю.

Просто мне, чтоб по белому свету
Подыматься дорогой крутой,
Нужно верить, что дышишь ты где-то,
Жив-здоров... И не любишь другой.

Как снег скрипуч и бел,
В мешках бумажных мел,
И зеленью порос
В ведерке купорос.
Смывай, смывай, маляр,
С угрюмых стен нагар
И копоть черных дней
Над головой моей.
Вовек таких не знай,
Смывай их след, смывай!
И с примесью зари
Мне колер подбери:
Сквозной, как солища сок,
И теплый, как песок,
Веселый, как загар
Руки твоей, маляр,
Чтоб жил в нем поля звон,
Чтоб пах лимоном он,
Чтоб проступал сквозь тьму,
Чтоб не чернеть ему!

хотя так тянется к этой красоте, даже через свой бинокль не может разглядеть ее. А она видела отчетливо и луну, и легкое белое птичье крыло облака между лунной и собой, и дрожащийся теплый огонек на реке. Но красота была ей сейчас ни к чему, а седой человек, который так искал красоту, не мог ее увидеть.

Дня через два Черненко Галю сообщила Доське, что они разуучивали песню, которую седой композитор написал специально про Енисей.

После того, как песня была разуучена и ее уже распевали на теплоходе, Вадим охладил к композитору и мертвай хваткой вцепился в знаменитого красноярского пчеловода. Но пчеловод был занят — он сердился:

— Это что же такое? Податься некуда. Понастроили. Всю тайгу сведем, зверя вслугнем, рыбу... — Успокаивался он только тогда, когда теплоход шел среди нетронутых лесистых берегов, и чем дальше от берега, тем темнее казались леса и где-то в бесконечной дали черными острыми зубьями агрызались в неяркое просторное северное небо.

— Это вроде еще подходяще, — бормотал пчеловод.

Все эти люди, ася эта жизнь шла рядом с Доськой, чуть касаясь ее то улыбкой, то чистой нотой песни, то лунным лучом... Они помогали ей хоть на минуту перевести дух, забыть те бессонные ночи, когда она сидела подле Андрея и он, измученный болью и температурой, доверчиво сжимал ее руку в своих горячих ладонях, которые уже стали мягкими и белыми — больничными.

Пожалуй, прав был главный врач Виктор Севастьянович, когда сказал: «А нашу бессонную девчонку давайте премируем путевкой в Красноярск — Диксон. Деваться некуда, ветерком обдует, водичкой обмоет, красотой утешит. Пускай отоспится». А бессонная девчонка не спала, бродила по теплоходу и завидовала сонной тишине за деревянными шторами чужих кают.

Уж лучше бы путевку дали Клаве. Она бы пела вместе с Галей, ходила на беседы, а по вечерам отбивала такт своими каблукками на холодной корме. Здесь бы каблукки подошли.

Клава считает, что ей нужна яркая губная помада, и всегда старается выпустить прядь курчавых волос из-под косынки. И как будто не замечает, что Виктор Севастьянович каждый раз морщится, слышав стук ее каблукков. И особенно раздражается из-за ее резких окриков: «Потише, больно!», «Подождете, больно!», «Вы у меня не один, больно!».

Клава завидует Доське, ревнует Виктора Севастьяновича к ней и зовет ее «любимица главного». Это она пересказала Доське разговор о путевке: «Красота утешит...» Откуда Виктор Севастьянович знает? Ведь Доська так старалась не показывать вида...

Дед

Теперь где-то там остался человек, у которого были две жизни — несовместимые.

Дом Андрея и его внешняя жизнь были противоположны друг другу по самой своей сущности.

У Доськи тоже были две жизни и тоже несовместимые. Об этом она думала по ночам. Об Андрее она думала только днем, утром, вечером, когда кругом были люди и нельзя было плакать.

Доськина жизнь не совмещалась только во времени и территориально. Она не могла уехать из Красноярска, так как должна была обязательно закончить институт, иначе она не имела права вернуться в свою прежнюю жизнь, к деду... Конечно, не домой к деду, что ей там делать? У них в деревне всего двенадцать изб, и, насколько Доська помнит, люди раньше не болели, а просто жили и жили, иногда кто-нибудь умирал. Болеть начали только с тех пор, как на лесосеку к раненому лесорубу прилетел хирург на вертолете. Но ей обязательно надо было быть поближе к деду, в районном центре, в больнице. А там уж до деду рукой подать.

Но все-таки быть поближе к деду ей необходимо. Дед очень старый, вдруг придется лечить. Мысль о том, что дед может умереть, вообще никогда не приходила Доське в голову, да и самому деду, вероятно, тоже. Сколько Доська себя помнила, дед был совершенно одинаковый: не очень высокий, с виду даже сухонький, но крепкий, легкий на ногу. Он никогда не кряхтел, хотя в каждой книжке, которую Доська читала, обязательно было написано: «Бабка, кряхтя, слезала с печи» или «Дед, кряхтя, вышел на крыльцо...» Ничего подобного с ее собственным дедом не происходило. Он ходил бес-

шумно, упруго, и ему было некогда ни сидеть на крыльце, ни лежать на печке, тем более, что спал он на кровати.

Что касается бабки, то Доська ее вспоминала меньше, так как, когда бабка была жива, Доська реже бывала с ней, а после смерти дед о ней никогда не рассказывал. Наверное, потому, что сильно любил. Пока была жива бабка, дед учил Доську на мальчика. У него были две дочки, и у обеих дочек тоже родились все девочки. А деду был необходим именно мальчик. Весь курс дедова образования обрушился на Доську с трех лет, с того дня, когда он вынес ее на руках из дому и сразу же поставил на лыжи.

Тетка Надежда рассказывала, что дед и ее пытался учить на мальчика. Но тетке Надежде больше нравилось стряпать и вышивать. Теперь она жила в Ленинграде. Когда тетка Надежда уехала учиться на педагогической, то познакомилась с каким-то человеком, и он увез ее в Ленинград. Муж тетки Надежды писал книжки. Одну он прислал им, и Доська прочла ее деду вслух. Она вызвала у Доськи странное ощущение. Когда читаешь книгу, то или плачешь, или смеешься, и после нее думаешь, а иногда даже не спишь. Эта с виду была совершенно такая же, как и те. И многое в ней было вроде похоже: герои влюблялись и ревновали в свободное от работы и общественных нагрузок время. Но все это забылось сразу. Не только имена героев, но даже и то, что они делали.

Зато она отчетливо поняла одно: именно потому, что Надежда вышла замуж за этого человека, ни она сама, ни ее муж, ни их первая, ни их вторая дочка так ни разу и не приехали в гости. А дед обязательно писал им в феврале, что ждет в мае, а в мае, — что ждет на Новый год. Дед и Доська отнесли письма на почту за 30 километров, и уже с конца апреля бабка перебеливала печь, начинала стряпню. К приезду гостей в избе нечем было дышать — так натоплено, — и хотя все село ело бабкины пироги, все равно они оставались. А второго мая дед снова писал письмо и приглашал уже на Новый год. И они опять отнесли письмо на почту. И каждый раз дед объяснял бабке, что Ленинград далеко и у Надежды, наверное, нет денег на самолет и подарки. Бабка плакала, пироги черствели.

Доськина мать, Маша, была такая же маленькая, как Доська, в деду, веселая, с синими упрямыми глазами. Она тоже увязала учиться, а потом привезла мужа, техника. Бабка рассказывала Доське, что деду ее отец сначала не понравился, потому что боялся комара и мошки. Но потом дед стал водить его в лес, на рыбалку и, кажется, привык и полюбил. Ждал

в гости, но на следующее лето зять сдавал экзамены, а на другое лето должна была родиться Доська, и мать боялась до роги, а на третье началась война. Отец, который боялся мошки, ушел на фронт и погиб смертью храбрых, а мать осталась на заводе работать вместо него. В первый отпуск она приехала очень худенькая, с помертвевшими глазами. Пока бабка плакала над Доськой и называла ее сироткой, дед увел мать на пасеку, и пришла она оттуда уже чуть-чуть оттаявшая. Потом она приезжала уже каждый отпуск. Первый раз рассмеялась она года через два, когда Доська позвала ее: «Маша, иди обедать!» Доська совсем недавно поняла, почему она смеялась. Виделись они редко, вот Доська и звала ее по-дедовому; а года через три мать привезла нового мужа.

Доське сказали, что это ее второй отец, и она стала собираться в дорогу, стараясь поменьше смотреть на деда и бабушку, чтобы они не поняли, как она их жалеет. Новый отец долго думал, шептался с матерью и, наконец, сказал, что, пожалуй, пусть Доська останется здесь, потому что там, куда они едут с матерью, детям лучше не жить. Мать согласно кивнула головой. Бабка закричала было, что, конечно, отчим не может любить девочку, как родную, а Доськину мать, Машу, вдруг обозвала гулящей. Мать заплакала. Отчим замолчал. А дед очень рассердился.

— Ему на границу ехать надо, ты что, не понимаешь? — кричал он на бабушку. — Там дитя ни к чему.

На другой день новый отец увез мать туда, где лучше не быть детям, и они снова остались втроем... Когда они уехали, бабка долго плакала, а когда дед сердился, плакала еще горше. Но дед косился в окно на дым, который стоял над трубой примерно за километр от их окна. Там жил один ссыльный, он был у них в гостях только раз. Бабка, как всегда, накрыла на стол, и они с Доськой задремали было, но проснулись от крика пьяного гостя: «Мы все равно вас всех перережем...» А дед кричал на гостя: «Бендеровец недорезанный...» — и выталкивал его за дверь.

С тех пор сосед к ним больше не заходил. Но когда дед говорил о политике, то обязательно косился на бендеровский дым, объяснял:

— Не всех, кого надо, видимо, кончили, поскольку пока еще есть капиталистический лагерь.

С трех лет дед водил Доську по тайге, и она уже знала все деревья, все следы, все птичьи посвисты, умела находить норы и гнезда и выстукивать дерево — гнилое или нет. В девять лет Доська попала белке в глаз. Это был единственный случай на Доськиной памяти, когда дед поцеловал ее. Потом он посадил Доську на поваленную лиственницу и тут же снял с белки шкурку. Доська сидела очень гордая, в тулупчике, одно ухо шапки, как у щенка, задралось вверх, и валенки далеко не доставали до снега. А дед ходил вокруг нее и долго хвалил. Когда они пришли домой, он наконец сказал Доське, что скоро будет учить ее рыбачить.

Это было главное его дело в жизни. Рыбу дед знал, как водяной. Он знал все рыбы повадки, привычки, аппетиты и хитрости. Но учил он Доську пока только на Бирюсе, а это было еще не самое настоящее.

Хотя рыбу можно было ловить прямо с порога, всерьез дед ходил за рыбой на Ангари. Чаще всего вдвоем со своим старым другом Афанасием. Старики собирались долго, обязательно и садились в одну лодку, а вторая шла на буксире с припасами и утварью. За пять-шесть дней рыбалки старики обязательно успевали разругаться, и каждый перебирался в свою лодку. Потом они дотошно делили рыбу, так как в первые два-три дня обычно ловили вместе. А бабка и жена Афанасия расходились по своим домам варить отдельно уху... Дед умывался, расчесывал бороду, крестился двуперстным крестом и садился есть. Ел он медленно и неохотно — кусок не шел в горло — и все поглядывал в окно на избу Афанасия. Тот тоже сидел у окна и ел медленно. И Доська, и бабка, и жена Афанасия знали, что уху все равно придется варить заново, потому что эта уже остыла, а подогреть без толку — рыба развалится. И поэтому, пока старики думали, как им мириться, бабка начинала снова чистить рыбу. Все кончалось тем, что дед посылал Доську к Афанасию сказать, что рыбу они поделили неправильно и Афанасий опять обманул его, — придется делить сначала. Афанасий велел Доське передать, что сейчас придет и докажет деду, кто кого обманул. Потом он долго переодевался, и дед тоже переодевался, а бабка ставила на стол в придачу к ухе строганину или даже банку покупных консервов и граненые стопки. Наконец Афанасий приходил, часто за ним появлялись еще гости, и тогда бабка опять варила уху, и опять ходила за строганиной, и ставила на стол еще стопку и еще графинчик с травкой. Хотя все знали, что дед не верит ни в бога, ни в черта, сам он по-

чему-то утверждал, что он старовер и поэтому пить ему нельзя. Разрешалось пить только лекарственную, а для лекарственной надо обязательно класть в графинчик травку... Курить деду тоже, кажется, было нельзя, но он объяснял, что курит от мошки, — видимо, ихний староверческий бог недоглядел, запретил курить, а потом забыл и напустил на людей мошку и комара. Правда, зимой ни мошки, ни комара не было вовсе, но дед все равно курил.

Афанасий верил в обыкновенного бога, но и этот бог, видимо, чего-то недоглядел, и дед, выпивши, ругал Афанасия за то, что его бог допустил столько войн и на их памяти уже перебито видимо-невидимо народу. «Хоть своего бы вымолил», — безжалостно говорил дед, а потом слыхивался и наливал Афанасию еще водки и гладил по старому колочему плечу. У Афанасия на последней войне убили сына. Колька был единственный сын — ладный, красивый и даже не успел жениться. Но ведь не он один погиб, и Афанасий говорил, что нечего теперь зря тревожить бога.

Часов в девять приходил ссыльный Василий Кириллович. Он был симпатичный, рассказывал Доське сказки, а иногда вспоминал, как когда-то строил Шатуру.

Дед уговаривал его написать Сталину, чтобы Сталин узнал, какая получилась ошибка с Василием Кирилловичем. Но Василий Кириллович отмалчивался.

После третьего графинчика дед начинал ругать Василия Кирилловича. Он объяснял ему, что, пока царь слал хороших людей в Сибирь, подальше, ничего удивительного здесь не было. Не зря же еще его собственный дед ушел от царей и от крепостного права в Сибирь и шел три года с женой, с детьми, со скотиной, пока не дошел сюда, в Красноярский край. А перед войной сюда опять начали ссылать хороших людей и больших специалистов.

После таких разговоров дед долго ходил по комнате или курил на крыльце, а Доська собирала со стола, — бабка стала старенькая и ложилась рано.

Однажды утром бабушка не проснулась. Теперь, когда Доська видела уже столько смертей в больнице, мучительных, долгих, среди чужих людей, смерть бабушки казалась ей легкой. Но тогда она очень испугалась, потому что видела, как убивали зверя, птицу, рыбу, и еще никогда не видела мертвого человека. На похороны приехали мать с отчимом, и это был последний раз, когда Доська видела мать. Года через три она тоже умерла.

Они с дедом остались совсем одни, и Доське пришлось переучиваться на девочку. Оказалось, то, что так с виду легко и привычно делала бабка, вовсе не так уж просто. Дед совсем не знал, как мыть полы, и особенно был слаб насчет пирога. А гости все приходили, и надо было топить печь, угощать, подавать.

Сколько Доська себя помнила, у них всегда были гости. И откуда они только брались? Казалось, глуше места не выберешь, но почему-то именно к ним приходили ночевать геологи, милиционеры, студенты и еще много разных, очень разных людей. И даже если у соседей или на лесосеке кто-нибудь болел, врач все равно ночевал у них. Наверное, потому, что бабушка держала все в чистоте, вкусно готовила, а дед любил гостей. У него были книги, и всю первую часть зимы работал приемник — дед не умел экономить батарейки. И Доська так привыкла просыпаться в комнате, где обязательно похрапывали на полу, на кушетке два-три, а то и пять человек — ведь в тайге редко ходят в одиночку, — что даже удивлялась спросонок, если оказывалось, что они с дедом вдвоем в доме.

Дед на всякий случай прикармливал рябчиков вместе с курами, рябчики делались ручными, как цыплята. Кроме того, подвел прямо к дому ручеек и устроил маленькую заводь, куда каждый год напускал мальков, чтобы и рыба и дичь всегда были под рукой. Доська еще иногда ходила с ним в тайгу, но это очень трудно, когда ты одна, быть сразу и мальчиком, и девочкой, и еще учиться. И теперь, пока дед запасал дрова или охотился, Доська собирала малину и черную смородину и вечером, пока варилось варенье, читала, а осенью и зимой готовила уроки. Один год она не училась совсем: учительница уехала к сыну. Она была очень старая, но очень хорошая. Только Доську обижало, что она с нею разговаривает, как с маленькой. Дед же, хотя и называл Доську, считал ее взрослой. А все восемь мальчиков и девочек, которые учились вместе с Доськой, казались ей гораздо младше: ведь у них были папы и мамы.

А на следующий год дед повез ее за тридцать километров по Бирюсе, где была школа-семилетка.

(Продолжение в следующем номере).

К. ЮОН. ВЕСЕННИЙ СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ.

В МУЗЕЯХ СТРАНЫ

Обычный московский переулочек, тихий, малолюдный. Летом — зеленый, зимой — заснеженный. Здесь в доме, напоминающем старинный русский терем, уже много лет живет сказка.

Если вы войдете в дом, подниметесь по витой поскрипывающей деревянной лестнице наверх, то непременно окажетесь в обществе своих старых знакомцев — добрых и злых героев русских народных сказок, которые столько раз радовали и огорчали вас в детстве.

Тут и безнадежно грустная Несмеяна, и красавица Царевна-Лягушка, и непобедимый Добрыня Никитич, и удачливый Иван-Царевич, и грозный Змей-Горыныч и Ищейка-Бессмертный, и, конечно, высохшая от недобрых чувств к людям Баба-яга...

Дом-терем построил замечательный русский художник Виктор Васнецов.

Есть в доме-музее Васнецова среди других и картина «Ковер-самолет», репродукцию которой вы видите на этих страницах.

Вторая картина, которую мы печатаем,

«Весенний солнечный день», принадлежит кисти другого талантливого живописца — Константина Юона. Подлинник ее находится в ленинградском Русском музее.

Третьяковская галерея, Эрмитаж, Музей изобразительных искусств имени Пушкина — кто не слышал об этих всемирно известных собраниях картин и скульптур! Но едва ли многие знают, что редчайшие картины, исполненные русскими мастерами, можно встретить и в музеях Пскова и Свердловска, Калуги и Новочеркасска, Горького и Владимира, Томска и Перми. Что, например, прекрасное полотно А. Куинджи «Лов рыбы на Черном море» находится в Хабаровске, «Осень» Левитана — в Смоленске, «Ранняя весна» В. Бялыницкого-Бирули — в Ставрополе, «Перед обыском» Н. Касаткина — в Ярославле, а работы М. Нестерова — в Уфе.

Начиная с этого номера, мы будем знакомить читателей с картинами талантливых русских живописцев, хранящимися в различных музеях страны.

ЛИЦОМ К МУЗЫКЕ

Елена ТАРАСОВА

Взлет дирижерской палочки, и вот уже все двери оркестра распахнуты настежь — музыка!

Музыка! Лицом к ней, лицом к оркестру стоит дирижер.

Черный фрак, торжественно вскинутая голова, энергичные движения рук... Едва ли кто-нибудь из случайных посетителей симфонических концертов по-другому представляет себе человека, возвышающегося над оркестром.

Дирижер — мужчина, только мужчина. Но вот это высокое место занимает женщина.

Любители музыки пожимают плечами. Несколько секунд с их лиц не сходит недоуменное выражение: нарушена традиция, а это всегда тревожит. Зал настроенно ждет. Но стоящая за дирижерским пультом стройная черноволосяя женщина так умело владеет оркестром, движения ее так выразительны и точны, что тревога уступает место волнению, а через некоторое время вообще никто не замечает дирижера. В зале безраздельно царит музыка.

Впрочем, и недоумение слушателей и опасения оркестрантов для народной артистки РСФСР Вероники Дударовой уже история. Но как и в день своего первого выступления, она перед каждым концертом испытывает не просто душевный подъем, без которого немислим успех в искусстве. На какое-то мгновение дирижера охватывает ощущение полной беспомощности и даже страха, да, страха, страха перед безмолвными нотными знаками, перед музыкантами, перед слушателями.

Ведь это от нее, от ее умения слиться с композитором, прочувствовать его замысел зависит, как будет звучать симфония, ради которой собрались в концертном зале люди.

Успех дирижера — это не только успех оркестра, это и успех композитора.

Произведение искусства каждый человек воспринимает по-своему. Но между живописцем и зрителем, писателем и читателем, как правило, нет посредников, а композитор целиком во власти исполнителей. «Я больше всего боюсь дирижера!» — восклицал Берлиоз. И действительно, как прочтет партитуру дирижер? От него, от его понимания и трактовки произведения зависит многое. Оркестр является выразителем дирижерской воли. И очень важно, чтобы эта воля не стала своеволием. И это хорошо понимает Дударова.

С композитором Дебюсси был однажды такой случай. Прослушав свое новое произведение, он сказал музыкантам: «Вы играете третью часть вдвое быстрее, чем у меня задумано... Но так гораздо лучше!» Может ли быть более высокая похвала дирижеру! Дирижер — это в какой-то мере режиссер, который все время на сцене и от которого каждый миг зависит успех концерта.

Как человек, читающий в разные годы

одну и ту же книгу, всякий раз по-другому осмысливает ее, так и дирижер, — партитура одного и того же музыкального произведения звучит для него каждый раз немного по-новому. И в необходимости этого нового он, отлично знающий возможности каждого инструмента, должен убедить участников оркестра.

Воздействие на музыкантов — а ведь их перед дирижером не один-два человека, а 75—80 — тоже одна из сложнейших сторон дирижерской профессии.

Французское слово дирижер — *chef d'orchestre* («глава оркестра») — означает лицо, руководящее, отдающее приказания. Свою волю оркестру дирижер передает с помощью жеста, мимики.

«Когда каждому музыканту оркестра кажется, что вы дирижируете только для него одного», — сказал как-то известному дирижеру один из оркестрантов, — значит, вы дирижируете хорошо».

Именно так говорят об искусстве своего главного дирижера и художественного руководителя Вероники Борисовны Дударовой музыканты симфонического оркестра Всесоюзного гастрольно-концертного объединения.

Каждый из них все время чувствует на себе ее взгляд — то требовательный, то удовлетворенный, то ожидающий, то подбадривающий, то порицающий, а то просто за тридевять земель занесенный любимой музыкой. И в долгие часы репетиций и во время концертов оркестранты всегда во власти этого взгляда, во власти взмахов дирижерской палочки.

Несколько слов о палочке дирижера.

— По-моему, дирижировать без палочки, — сказала мне Вероника Борисовна, — скверная привычка, хотя это, кажется, на Западе и становится модным. Дирижерская палочка, удерживая руку дирижера, делает более четким каждое движение.

Действительно, правая рука, вооруженная палочкой, регулирует темп, ритм, размер; левая же указывает нюансы, оттенки музыкального произведения.

«Правая рука — от разума, левая — от сердца», — утверждает французский дирижер Шарль Мюш.

Некогда дирижирование (искусство это молодое — ему немногим более ста лет) сводилось лишь к отбиванию тактов. На первых порах функции дирижера выполнял сначала клавесинист, потом — первая скрипка.

Рихард Вагнер был первым крупным дирижером, разработавшим жесты, дирижерскую мимику и положение — спиной к публике. Затем прославились как выдающиеся дирижеры Лист, Штраус, Тосканини, Рубинштейн, Направник...

И тогда и позже дирижерская профессия считалась мужской, и в ее святая святых долгое время не допускали женщин.

Но вернемся к Веронике Дударовой,

к слову сказать, единственной в Москве женщине, к тому же осетинке, руководящей симфоническим оркестром.

Трудно, почти невозможно вспомнить сейчас, когда впервые ее захватила мечта стать за дирижерский пульт, чтобы диктовать свое понимание музыки оркестру, заражать своей любовью к ней зал.

По словам близких, она уже в четыре года, не умея еще по-настоящему играть на фортепьяно, а только следя за занятиями сестры и изредка подбирая по слуху мелодии знакомых песен, сказала: — Хочу играть на оркестре.

Впрочем, взрослым свойственно порой в желаемом направлении осмысливать случайно брошенные ребенком слова. Но то, что восьмилетнюю Веронику приняли в школу одаренных детей при Бакинской консерватории, никакому сомнению не подлежит. Так было. Было и огромное, совсем не детское увлечение музыкой, особенно симфонической.

В Ленинграде, куда из Баку переселилась семья Дударовых, Вероника продолжала занятия на фортепьяно в музыкальном училище при Ленинградской консерватории и одновременно начала работать. Была концертмейстером в одном из ленинградских Домов культуры, пианисткой в кукольном театре...

Однажды ей удалось попасть на концерт Софроничко. Исполнились произведения Скрябина. Вероника последней ушла из концертного зала, потрясенная обрушившимися на нее шквалом звуков.

— С тех пор, — говорит Вероника Борисовна, — я убежденная поклонница Скрябина.

Вскоре для нее, уже знавшей и любившей Бетховена, впервые открылась вся глубина и философская мощь его симфоний. В Ленинграде гастролировал известный немецкий дирижер Отто Клемперер, исполнявший со своим оркестром Третью и Пятую симфонии Бетховена.

Все было точно так же, как на концерте Скрябина. Давно уже замерли последние звуки оркестра, зрители, шумно делясь впечатлениями, расходились по домам, медленно, один за другим, гасли огни люстры. Этого не замечала Вероника Дударова, затерявшаяся в глубине концертного зала.

Может быть, тогда она впервые по-настоящему и утвердилась в желании стать дирижером.

И вот Московская консерватория. Вероника Дударова среди тех, кто подал заявление на первый курс дирижерского факультета.

Первый экзамен — рояль — был сдан на пятерку. Второй, решающий, был дирижирование, о котором Вероника в то время имела довольно смутное представление.

А среди экзаменаторов, как на грех, — крупнейшие музыканты страны, виднейшие дирижеры столицы.

— Почему вы решили стать дирижером?

— Не устраивает фортепьяно! Очень люблю оркестр.

— Не назовете ли нам свои самые любимые оперы?

— «Аида», «Пиковая дама»...

— Не скажете ли, как начинается «Аида»?

— Прозрачным звучанием, — не очень уверенно говорит Дударова.

Вместо нового вопроса ей протянули палочку и попросили поруководить пианистами, исполнявшими на двух роялях симфонию Моцарта «Соль-минор».

Вероника принялась отбивать такты, но уже через несколько минут опустила руки.

— Что случилось? Почему вы прервали? — поинтересовались экзаменаторы.

— Они не так играют.

Члены комиссии переглянулись:

— А как бы вам хотелось?

Смущенная девушка напела начало симфонии.

На этом, кажется, и закончился экзамен.

Убежденная в полном провале, Вероника уныло покидала класс.

— Чем вы недовольны? — остановил ее декан дирижерского факультета Г. А. Столяров.

— А чему, собственно, радоваться?

— Но и причин для уныния я не вижу: дирижером вы будете!

Что еще говорил декан и сказал ли он вообще еще что-нибудь, Вероника не слышала. В ушах на разные голоса звучало: «Дирижером вы будете!», «Будете!».

И она стала дирижером.

Существуют на свете дела, которые и интересуют и увлекают, но занимается ими человек только в отведенные для работы часы, а кончился трудовой день — и ты свободен.

Работа дирижера, как, впрочем, и множество других творческих профессий, не отпускает ни на час. Даже во время отдыха Вероника Дударова во власти звуков. Может быть, поэтому все двери в ее квартире обиты, как в кабине звукозаписи. Дома — тишина. И непрерывная внутренняя работа.

...Встречаясь с человеком, вооруженным дирижерской палочкой, в праздничной обстановке концертного зала, даже искусственные любители музыки не в полной мере представляют себе, что каждый концерт требует от дирижера огромного нервного, физического, умственного напряжения и большой подготовительной работы с партитурой, в которую занесена каждая нота, исполняемая любым из музыкантов.

А репетиций? Сколько сил и энергии отнимают они у дирижера! Особенно нелегко даются встречи с новыми оркестрами во время гастрольных поездок.

Только счастливое сочетание художественного дара с педагогическим помогает Веронике Дударовой не только подчинить себе оркестр, но и заслужить его признание.

Но вот наконец партитура освоена. Репетиции позади. Вероника Дударова снова перед дирижерским пультом.

Взлет дирижерской палочки, и все двери оркестра распахнуты настежь — музыка!

Музыка! Лицом к ней, лицом к оркестру стоит дирижер...

Внуки Груни Корнаковой

Город этот видится как бы в трех временных измерениях. В его постоянно меняющемся облике переплетаются и вековая история, и сегодняшняя новь, и черты будущего.

Улица обрывается у реки. Там, над противоположным берегом, небо расчерчено стрелами подъемных кранов, воздух наполнен гулом самосвалов и бульдозеров, горизонт закрыт шеренгой пятиэтажных зданий. А здесь — маленькие деревянные домики, тишина. Но оглянешься — и увидишь красные заводские корпуса, высокие трубы, услышишь приглушенный шум работающих цехов.

Когда-то здесь стоял маленький, затерявшийся в тверских лесах поселок Кузнецово. Все было в нем хозяйское: и фабрика фаянса, и имя поселка, и домики на его улицах. Одним только не мог распоряжаться Кузнецов — мыслями людей, хотя и пытался делать это. Сам старободрец, хозяин фабрики всячески поддерживал единоверцев: назначал их на должности мастеров и смотрителей цехов, давал им бесплатные квартиры и другие привилегии. Религия разбивала рабочих на два враждующих лагеря. Кузнецову это было на руку. И все-таки он просчитался. Рабочие объединились и выступили против хозяина, против каторжных условий труда на фабрике.

В феврале 1905 года, через месяц после «Кровавого воскресенья» в Петербурге, кузнецовская фабрика остановилась: началась забастовка. Только с помощью вызванных солдат удалось хозяину справиться с рабочими.

Весной 1906 года фабричный рабочий большевик Порфирий Конаков организовал в поселке первый марксистский кружок. Собирались или в домах, или в «окопчиках» — канавах на опушке бора. Порфирий вынужден был скрываться от кузнецовских шпионов. Осенью того же года он стал одним из организаторов восстания матросов в Кронштадте. Его схватили, судили и расстреляли.

Большая забастовка вспыхнула на фабрике в 1915 году. А еще через два года рабочие сами стали управлять ею. Началась новая история поселка фаянщиков. В 1930 году его назвали именем Порфирия Конакова, а через несколько лет — преобразовали в город.

Обо всем этом мне рассказывали старейшие конаковцы: супруги Осетровы, одна из первых коммунисток на заводе — Евдокия Васильевна Чурашкина, первый красный директор завода Василий Тимофеевич Смирнов, участник кружка, созданного когда-то Порфирием Конаковым, Михаил Яковлевич Илютин.

У карты родной страны

НЕ В КРА

Их рассказ мне вспомнился, когда я попал на фаянсовый завод имени Михаила Ивановича Калинин (так называется теперь бывшая кузнецовская фабрика). В живописном цехе меня познакомили с работницей Галей Львовой, милой молодой женщиной. Мы сидели с ней и говорили о заводе, о цехе, о ее работе. Галя спросила меня:

— Вы видели фильм «Соловей-Соловушка»? Это про наш город, про завод. Недавно его у нас показывали. Так интересно, так интересно! Три вечера показывали, и на всех сеансах народу битком было. А потом мы с девушками по заводу ходили. Как же все изменилось у нас! Мы и не знали.

Да, есть такой фильм. Первый советский цветной фильм. Второе название его — «Груня Корнакова». Фильм этот рассказывает о прозрении молодой певуны Груни Корнаковой, о постепенном превращении ее в борца за дело рабочего класса. В заключительном эпизоде раненая Груня, смочив косынку собственной кровью, подает восстановившим женщинам сигнал к нападению на жандармов.

Теперь о кузнецовских временах на заводе напоминают лишь несколько старых зданий да цифра «1910» на одной из труб. Основные же цехи перестроены, переделаны. Появились и новые корпуса.

Электронечи, автоматика, ультразвук, поточные линии, новая технология, люминесцентные лампы — все это совершенно изменило и характер и условия труда. Работается людям все легче и радостней. Растет из года в год выпуск фаянса и майолики. В нынешнем году завод даст продукции в полтора раза больше, чем в 1958 году. А через несколько лет, когда закончится его реконструкция и появятся два новых огромных корпуса, выработка фаянса и майолики удвоится.

Рассказывая о цехе, Галя несколько раз повторила: «Наша бригада скоро завоеует звание коммунистической».

У Гали Львовой точная рука. Быстрое движение — и кисточка оставляет на керамике тарелки цветную полоску.

Ю ДАЛЕКОМ,

Ясно было, что для нее это большая радость — радость достижения заветного рубежа, откуда виден новый рубеж. И в этом движении, подъеме по ступеням вверх для Галя смысл жизни. И не только для нее. В соревновании за звание коммунистических бригад, цехов участвует больше четырех тысяч человек — все, кто работает непосредственно у печей, станков, машин, конвейеров. Они тоже живут радостью непрерывного движения вперед.

Галя Львова, как, впрочем, и многие ее цеховые подруги, по возрасту могла бы быть внучкой Груни Корнаковой. Разные поколения, но какое у них духовное родство!

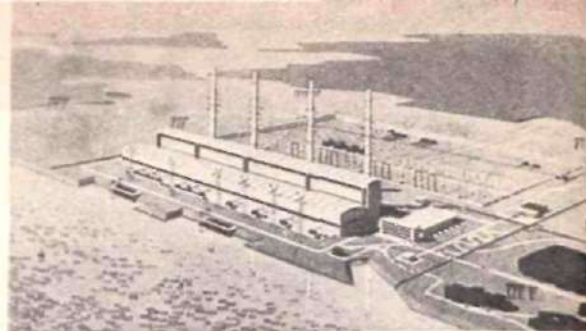
Если бы свершилось чудо, и Груня Корнакова сошла с экрана, и если бы поднялись из могил деды и бабушки Галиных подруг — те, кто много лет назад пошел за ленинской партией, — как бы гордились они нашей молодежью, достойной своего века, молодежью культурной и разносторонней, жадно тянущейся к знаниям и умеющей с помощью этих знаний преобразовывать жизнь! И, вероятно, Груня Корнакова радовалась бы встрече не только с теми, кто трудится там, где она сама когда-то работала, но и с теми, кто на другом конце Конакова сегодня творит будущее этого города.

мощью двух кранов-богатырей в полгода соберут здание для первой очереди станции.

Из железобетонных деталей монтируются и водовод — подземный канал, в котором свободно проедет грузовик, — и высоченные трубы, и все подсобные цехи станции.

Что все это даст? Внушительную экономию средств и времени. Гидроэлектростанция такой же мощности, как Конаковская ГРЭС, обычно строят семь-восемь лет. «Конаковку» построят вдвое быстрее, а первая ее турбина даст ток примерно через год после начала монтажа наземной части главного корпуса. Опыт, который здесь накопят, будет применен при сооружении таких же и даже более крупных новых тепловых электростанций.

Конаковская ГРЭС по мощности превзойдет Волжскую ГЭС имени XXII съезда партии. Здание станции вытянется вдоль волжского берега на полкилометра. На первой очереди устанавливаются четыре турбины мощностью в 300 тысяч киловатт каждая (четыре Волховских ГЭС!). Чтобы перевезти один блок (то есть котел и турбину), требуется свыше четырехсот вагонов. А на следующей очереди смонтируют еще более крупные турбины. Когда они заработают, мощность ГРЭС

Конаковская ГРЭС (макет).

— Семейная работа. Чисто!

— Почему «семейная»?

— Так это же наш бригадир Аркадий Иванов, — показал рабочий на парня, — а на кране Света Иванова. Молодожены.

Светлана Иванова даже в ватных брюках и стеганке выглядит стройной. Глаза у нее с озорничкой и чуть-чуть насмешливые. И все время Света улыбается.

Вместе с подругой Катей Щербаковой после десятилетки она строила комбинат искусственных кож в Калинин. Потом вместе поступили на курсы крановщиков, окончили — и в Конаково.

Первый блок на этой стройке Света поднимала с опаской. По сей день помнит, как с нее десять потов сошло, пока опустила этот блок на стену. Сейчас она, конечно, посмеивается над тогдашними волнениями — неопытная была. А теперь и днем и ночью с завидной точностью «кидает» блоки монтажникам.

Поэт Марк Лисянский, написавший песню о стройке, вероятно, перепутал

БЛИЗКО ОТ МОСКВЫ

За рекой Донховкой

Старожилы рассказали мне такую историю. Кузнецов был задлым картежником. Как-то проигрался он в пух и в прах и в уплату «долга чести» отдал иностранцам Готье и Колли два участка на берегах Донховки — речушки, которая в Конакове впадает в Волгу. Те построили дачи, но жить в них почти не жили: ведь глухомань была здесь тогда беспросветная. Я видел одну из этих дач. В какой-нибудь сотне метров от нее теперь выстроились многоэтажные дома — поселок строителей самой мощной в Европе тепловой электростанции.

На одном из городских перекрестков висит указатель: «На Конаковгрэсстрой». Неточная надпись. Я бы написал так: «На Конаковгрэсмонтаж».

Такой стройки еще не было. Сооружается огромная ГРЭС, а строительной базы, какую мы привыкли видеть на других стройках, нет. Это потому, что станция не строится, а монтируется. Сюда привезли тяжеленные железобетонные колонны, башмаки, перекрытия, стальные конструкции, даже оконные и дверные рамы. Все это на специальной площадке собирается в крупные узлы и подается к главному зданию. Несколько десятков монтажников с по-

достигнет 2 400 тысяч киловатт. Чтобы питать станцию, насосы будут выкачивать из Волги девять миллионов кубометров воды в сутки — целую реку. Топливом для ее котлов будет газ, который придет в Конаково по газопроводу от Московского кольца.

Строители уложили фундамент первой очереди. Сейчас начинается монтаж здания.

Если от главного корпуса проехать по бетонной дороге минут десять, на пути встанут серые пятиэтажные дома. Это еще один важнейший участок стройки — постоянный поселок ГРЭС, будущий центр нового Конакова. Строительство поселка, как и станции, — опытно-показательное. Жилые крупноблочные дома, большая больница, детские сады и ясли, школа, здание клуба, столовой и комбината бытового обслуживания — все они монтируются из готовых деталей.

Уступами выстроились первые семь домов поселка. Монтируются остальные. На стене одного из них я увидел парня, который стоял, запрокинув голову. Из кабины башенного крана выглядывало молодое женское лицо. Парень чуть повернул ладонь, и крановщица осторожно опустила серый блок на стену. Стоявший рядом со мной рабочий заметил:

Светлана и Аркадий Ивановы идут на работу. А кругом дома, которые они строили.

имя крановщицы. В песне есть такие строки:

А в своей кабине Таня-крановщица,
Здесьняя красавица, поет.

Не Таня, конечно, а Света! Она и крановщица и пелунья.

Но это шутка. Сама Света не считает себя какой-то особенной крановщицей. Просто рядовой армии строителей «Конаковки», такая же, как и другие, как, например, Зоя Афанасьевна Белова, сменившая в 1955 году профессию бухгалтера на специальность крановщица; как Света Костинова, которая, приехав на стройку, была сначала «помощником экскаватора», — так в шутку называют на стройке разнорабочих, — а нынче мастерски водит грузовик. Или как те три подружки, которые живут в одной комнате общежития, где позже всех тушится свет, штукатуры Тася Булатова, Оля Носова и слесарь-сантехник Аня Абросимова. Все три строили Белоярскую атомную электростанцию, потом попали в Конаково, узнали, что здесь открывается заочное отделение энергетического техникума, и поспешили учиться. Тася с Олей — на первый курс, Аня — на третий. Вы спросите, почему девушки выбрали техникум не по специальности? Решили они осесть в Конакове. Аня ответила мне за всех трех:

— Стройка только начинается; когда будут пускать последние турбины, мы окончим техникум и перейдем на эксплуатацию.

Их много, девушек и парней, съехавших сюда, в Конаково, из разных мест. Часть из них, вероятно, через год-два перекочет на новую стройку. Но немало останется здесь: полюбились людям эти красивейшие места Центральной России — полноводная Волга с плесами, островами, дремучие леса. Да работы и строителям хватает надолго.

Внимание — неполадки!

Строители — племя кочевое, люди «колесные». Часто им приходится переезжать с места на место. Но они нигде не хотят быть «временными», жить, как придется. Нет, они тянутся к знаниям, заводят семьи, рожают детей, и им хочется жить в хороших домах, питаться в хороших столовых, ходить на хорошие спектакли и кинокартины в хорошие клубы. К сожалению, далеко не на всякой стройке это им удается. В том числе и в Конакове.

Начали большое дело — опытно-показательное строительство гигантской ГРЭС, — но организовали его на первых порах не лучшим образом. Первый начальник управления «Конаковгрэстроя» Пивоваров больше бил на внешний эффект. Начинаются работы в котловане ГРЭС — митинг с разрезанием ленточки, еще какой-нибудь объект закладывают — опять митинг. Наверное, это все и надо. Но, кроме митингов, нужна забота о людях. В 1961 году план строительства жилья сорвали, в прошлом году выполнили только на 55 процентов. Причин тут несколько. Не всегда вовремя поставщики присылают необходимые материалы. И организация работ на стройке далека от совершенства. Очень много ручного труда. Траншеи должны де-

Вечером в этой комнате допоздна горит свет. Тася Булатова, Оля Носова и Аня Абросимова учатся на заочном отделении энергетического техникума.

Фото И. Петкова.

лать машины, но их мало. Рабочие раскладывают огромные костры, отогревают замерзшую землю, а потом долбят ее ломом и кирками. Жилые дома сушатся допотопным способом — мангалом с коксом.

Нет порядка и на разгрузочной площадке. Чтобы получить нужные материалы, люди тратят целые дни. Здесь произошел просто анекдотичный случай. По проекту один из жилых домов должен быть пятиэтажным. А получился он четырехэтажным. Оказываются, блоки пятого этажа частью разбиты, частью растеряны.

Мне рассказывали, как постройком профсоюз «делил» девятью мест нового, пока единственного детского сада для детей строителей на шестьсот заявлений. Прошла неделя, а заявлений стало уже семьсот. Однако в титульный список на нынешний год попал только один детский комбинат. В Министерстве энергетики и электрификации СССР, по-видимому, упорно продолжают считать, что строители и монтажники путешествуют по стройкам без жен и детей.

Руководство стройки сейчас обновлено. Но ему очень трудно исправлять грехи предшественников. И тут нужна помощь, конкретная и оперативная помощь министерства. Строители обязались к концу года смонтировать первый блок и сдать 20 тысяч квадратных метров жилья. Им предстоит за год освоить 11 миллионов рублей. И надо сделать так, чтобы ни одна копейка из этих народных денег не пропала даром. Если будет налажено техническое снабжение и организация работ, строители сдержат свое слово.

Под старой елью...

К одной из улиц Конакова вплотную подступает бор. Огромные, при-

мые, словно застывшие в строю гвардейцы, сосны и ели упираются заснеженными верхушками в небо.

Меня сюда привел лесной объездчик — маленький и старенький человек с задубевшим на ветру лицом. Он погладил ладонью морщинистую кору ели-гиганта и проговорил:

— Дерево, оно, ить, в год не вырастет. Ему полсотни лет требуется, чтоб силу и рост набрать. Эту вот елочку дед мой еще мальчиком знал. Было это, значит, лет сто назад, а она уже и тогда высилась. Почитай, старше завода будет.

Я глядел на это чудо природы, придерживая шапку, глядел, как царственно раскинула ель свои мускулистые ветви, и думал: какие только песни не звучали под этими ветвями! Приходили сюда когда-то фабричные девушки, подружки Груни Корнаковой, садились в кружок и в песне рассказывали о своей горькой доле. Здесь в «окопчиках» собирались первые подпольщики, и бор слушал «Смело, товарищи, в ногу», «Варшавянку». А теперь сюда пришла новая песня:

Там, где Волга льется лентой
бирюзовой,
Не в краю далеком, близко от
Москвы,
Есть такое место — город Конаково,
О котором не слышали вы!

Конаково, Конаково,
Соловьиная весна!
Конаково, Конаково,
О тебе узнает вся страна!

И не успеет старая ель дважды сменить свой игольчатый наряд, как во всю силу разгорятся огни нового Конакова.

г. Конаково,
Калининская область.

А ЦЕЛОЙ ЦЕПИ НЕТ...

На заседании бюро райкома партии секретарь зачитывал анкету вступающего в КПСС. На вопрос: «Какие имеете правительственные награды и почетные звания?» — одна молодая станочница ответила так: «Нашей бригаде присвоено звание коллектива коммунистического труда».

Мне вспомнился этот ответ сейчас, когда я перелистываю свой ленинградский блокнот с пометкой «Завод «Светлана». Август 1962 — январь — февраль 1963 г.».

Есть на «Светлане» цех испытания полупроводников и в нем участок коммунистического труда, один из первых на заводе. Все здесь, как в любом передовом коллективе: производственная программа из месяца в месяц перевыполняется, индивидуальные обязательства — тоже, не бывает ни прогулов, ни опозданий, ни брака. Дело свое большинство испытательниц знает отлично, каждая может работать на различных схемах.

И все-таки я не стала бы писать об участке испытания полупроводников хвалебную статью. Почему? Об этом я и хотела бы поговорить с самими работниками участка — испытательницами, бригадиром, мастерами.

Для начала вернусь к ответу станочницы в анкете. Ведь дело не только в том, что принадлежать к коллективу коммунистического труда для нее такая же высокая честь, как носить, допустим, почетное звание народного артиста Союза ССР или заслуженной учительницы республики (видимо, именно такого рода звания пишутся обычно в этой строке). Мне в анкете станочницы понравилось и другое: в столь ответственным и важным для нее документе она пишет не только о себе лично, а о «нашей бригаде». Не сомневаюсь, в ее бригаде «мое» и «наше» неразделимы, и это «наше» общее — самое дорогое для каждого.

А так ли у вас, товарищи светлановцы?

Хорошие люди у вас на участке, большинство хороших. А вот «хороший коллектив» — не скажешь. Ведь коллектив — то все равно что дружная, солидарная семья. Радость у одного — так всем радостно, боль — всем больно. Немыслим без настоящей, крепкой и требовательной дружбы коллектив коммунистического труда. А есть ли такая дружба у вас?

Шестой год работает на участке Валя Есьманович, отличная испытательница, первая ударница коммунистического труда, человек безупречной честности и порядочности. На участке каждый знает, что Валя почти всегда больше всех сдает испытанных приборов. Успехам ее только бы радоваться. Но что это за слухок ползет: «Не может быть, чтобы две нормы успевала делать. Наверняка что-нибудь «комбинирует»...»

Шепчут чаще всего одни и те же: Лехцер, Игнатьева, Ненашева, Орлицкая. Они шептали о том же полгода назад, не успокаиваются сейчас, и никто ни разу от них не потребовал: или докажите, что Валя действительно добивается высоких показателей нечестным путем, или извольте отвечать перед товарищами за болтовню, за клевету!

Те же шептуньи не дают спокойно работать двум другим ударницам — Вале Рамаевой и Шуре Кутьиновой. В прошлом году дело дошло до того, что с выпела «Лучшей по профессии» была сорвана фамилия Вали, а на ее лоточке для приборов появилась оскорбительная надпись. Все знали, что сделала это Рита Лехцер, но устыдила ее, да и то с глазу на глаз, только прежний начальник участка Галина Михайловна Соркина.

— Верите, — поделилась со мной своим настроением Валя, — на работу ходить не хочется. Мы даже заявление подали о переводе, да нас отговорили.

Что же такое происходит, девушки? Как же случилось, что погоду на вашем участке делает не большинство — хорошее, здоровое ядро коллектива коммунистического труда, — а несколько шептунь? Почему вы примирились с тем, что лучшие ваши работницы так часто уходят со смены с испорченным настроением, а виновные чувствуют себя героями?

Когда для каждого в коллективе самое дорогое — «наше», общее, люди очень требовательны друг к другу. Им не может быть все равно, хорошо или дурно ведет себя тот, кто рядом. Ведь неверный человек в коллективе — все равно что разрыв в цепи: все звенья, кроме одного, на месте, а целой

цепи нет. Не так ли и у вас, как в этой разорванной цепи?

Да, вы добились больших производственных успехов, но другие коллективы коммунистического труда считают, что одних производственных успехов мало. Они воспитывают и утверждают в каждом члене коллектива лучшие черты и качества, готовят человека будущего.

И в других коллективах не все идет гладко, без сучка, без задоринки, не все люди идеальны, но в них нет места равнодушию, и если кто-то ошибается, — его поправляют, если он умышленно нарушает правила и нормы нашей жизни, — ему этого не прощают. Общими силами человеку помогают стать лучше.

Есть у вас, как и в каждом коллективе коммунистического труда, святая заповедь: быть непримиримым ко всяким недостаткам. Ваша верность этой заповеди испытывалась на многих делах. Помните, ваши смежники — сборочный цех — сдавали вам приборы, не проверенные по одному из параметров, и вы сумели добиться более полного контроля. Вы справедливо наказали испытательницу Таню Осипову, когда убедились, что работает она недобросовестно.

Но всегда ли вы так непримиримы к плохому, девушки?

Помните ту историю, когда несколько испытательниц выступили против новых, повышенных сменных заданий? Напомню: новые задания устанавливались на уровне тех, которые уже выполнялись всеми работницами, к тому же в зарплате от этих изменений никто ничего не терял.

Больше и громче всех шумела тогда Валентина Игнатьева. А когда захронометрировали ее рабочий день, то оказалось, что она прогуляла по цеху 93 минуты(!) и при этом успела выполнить новое задание на 103 процента (кстати сказать, как раз за ее спиной висит плакат: «Все 420 минут — производству»).

Уж казалось бы, такого повода поговорить откровенно и нелицеприятно с Игнатьевой и с другими, кто мутит воду, вы не упустите. Ничего подобного, однако, не произошло. На собрании снова выступили только начальник участка и мастера смен. Ни одна испытательница и на этот раз не подала голоса. А ведь главный метод воспитания — это общественное мнение, отношение коллектива! Игнатьева же, получив за растрату рабочего времени выговор от начальства, до сих пор считает себя «пострадавшей за правду».

Сколько в вашем большом (почти сто человек) коллективе поводов для общей радости! Ира Кондрашова завоевала на первенстве страны по гребле серебряную медаль, Лидя Зеленкова и Антонина Геннадиевна Иванова справили новоселье, у той же Вали Игнатьевой недавно родился первенец. Скажите, всегда ли радость товарища делите вы искренне, всегда ли стараетесь ничем ее не омрачить?

— Ну, конечно: член цехкома, вот и получила комнату, — не таким ли «поздравлением» встретили некоторые из вас Лиду Зеленкову, когда она радостная (ордер в руках!) прибежала в цех? И вот уже погасла радость. А обида долго еще проживет. Между тем все на участке знали, что с жильем у Лиды было очень плохо.

Откуда это недоброежелательство? Или зависть (тоже не лучше)? Разве не из старых, вышвырнутых нашей жизнью на свалку прописей, вроде «всяк за себя, один бог за всех»? Как проникли они в передовой рабочий коллектив и живут в нем? И почему им не объявлена беспощадная война?

Ходят девушки из цеха испытаний полупроводников по чудесному своему городу. Бывают и в таких местах, куда нельзя войти без трепета, — много лет назад эти же двери открывал Владимир Ильич Ленин. Вот стол, за которым он работал, вот испсанные его рукой листки...

Мне хочется посоветовать вам, девушки: в самую заветную тетрадь, к которой обращаетесь чаще всего, выпишите мудрые ленинские мысли о коллективе, о дружбе, о принципиальности.

А о том, какие перемены произойдут на вашем участке (и произойдут ли они), вы, надеемся, напишете в редакцию.

М. БОКРЕСЕНСКАЯ

Не ремнем, А СЛОВОМ

Э. КОСТЯШКИН,
кандидат педагогических наук

«Когда мы росли, нас «воспитывали» ремнем и подзатыльниками, — пишет Е. П. Мясникова из г. Калуги. — Сейчас говорят, что так делать нельзя. Но как поступить, если мои вучки уйдут гулять, и ищи их по городу, а уроки не сделаны, дома не прибрано? Скажем им, к какому часу прийти, они явятся на два часа позже. Слов они совсем не понимают».

Много подобных писем получает редакция «Работницы». Вопрос нелегкий, и отвечать на него каждый раз приходится по-новому: нет одинаковых детей, значит, не должно быть и одинаковых для всех наказаний.

Мы, советские учителя, во всем советуемся с нашим великим педагогом Антоном Семеновичем Макаренко, который удивительно умел понять души детей и владел чудесным даром находить верные методы воспитания в них лучших качеств. Макаренко оставил богатое литературное наследие. Многие из вас, наверное, читали его «Педагогическую поэму», «Флаги на башнях», «Книгу для родителей». Сегодня моя беседа с читателями о наказаниях детей в семье будет основана на взглядах Макаренко, так как в своей педагогической практике я совершенно убедился в их мудрости.

К нам, учителям, тоже довольно часто приходят родители со своим горем: был парень как парень и вдруг начал лгать, грубить, никого не слушается, ничего не признает. Или занимался старательно, был не на плохом счету — и вдруг неделями не раскрывает учебники, в дневнике заперстры двойки.

Как видите, и тут и там фигурирует коварное слово «вдруг». Родителям кажется, что произошло нечто необъяснимое, вроде грома среди ясного неба. На самом же деле в воспитании, как и во всем остальном, чудес не бывает. Каждое неблагоприятное изменение в поведении ребенка возникает не само по себе, а лишь при нарушении процесса воспитания, чаще всего из-за ошибок родителей.

Когда мы идем домой к «неблагополучному» ребенку, то нередко узнаем: в доме часто ссорятся родители, отец покинул семью или начал пить. Разумеется, такие события не могут оставить ребенка безучастным, вот он и реагирует на них резким срывом в занятиях, дисциплине, в отношении к окружающим.

Но бывает иначе: в семье вроде бы ничего не случилось. Но начинаешь подробно, придирчиво выяснять, и оказывается, например, что дочь на днях долго задержалась в школе — выпускала стенгазету, а мать встретила ее словами: «Шляешься по улице с такими же бездельниками!» Девочка болезненно пережила несправедливость и вот замкнулась, перестала советоваться с матерью, больше того, утратила уважение к ней.

Разумеется, не сразу сознание ребенка реагирует на неправильности в воспитании. Между допущенной родителями ошибкой и ее закономерным следствием — нарушением каких-то порядков, правил со стороны ребенка — проходит более или менее длительное время, так называемый скрытый период, мешающий подчас установить

прямую связь этих явлений. И все-таки связь есть. Стало быть, если вас волнует то плохое, что происходит с ребенком, если вы хотите это преодолеть, посмотрите прежде всего критическим взглядом на себя.

«В успехах семейного воспитания, — писал Макаренко, — решающим является активное, постоянное, вполне сознательное выполнение родителями их гражданского долга перед советским обществом... Вы должны быть не только... шефом своих детей, вы должны быть еще и организатором вашей собственной жизни, ибо вне вашей деятельности как гражданина, вне вашего самочувствия как личности не может существовать и воспитатель».

Правда, Антон Семенович высказывал и такую глубоко верную мысль: «Советский человек не может быть воспитан непосредственным влиянием одной личности, какими бы качествами эта личность ни обладала. Воспитание есть социальный процесс в самом широком смысле». Но при этом замечательный советский педагог не устал повторять, что главное в воспитании ребенка — авторитет его отца и матери.

Однако вернемся к прерванному разговору. Итак, по причинам, о которых уже говорилось, у ребенка произошел срыв. Как на него реагировать? Всегда ли необходимо наказывать сына или дочь? И как наказывать?

Должен оговориться: имеются в виду наказания за проступки преднамеренные, умышленные, а не за разорванные штаны при перелезании через забор или случайно разбитое стекло во время игры в футбол. Подобные «беды», происходящие от избытка энергии, от свойственного детям самозабвенного увлечения всем, что они делают, неизбежны и при самом правильном воспитании. И за это, думается, нельзя строго их осуждать.

Надо по возможности избегать применения наказаний, испробовать сначала другие меры — убеждение, просьбу, напоминание, распоряжение, — и только если ничто не поможет, думать о наказании. Причем наказание не должно быть стандартным. Даже за один и тот же проступок следует наказывать по-разному, в зависимости от возраста, характера, условий жизни мальчика или девочки, всех обстоятельств, которые сопутствовали проступку. Причем наказания должны быть исключительно гуманными и несколько не унижать достоинства ребенка. Не пустить его в кино или к товарищу, не дать денег на какую-нибудь покупку, рассказать о его проступке товарищам или любимому учителю — эти, казалось бы, слишком мягкие меры могут быть вполне достаточными для восстановления правильного пове-

дения ребенка. При этом необходимо лишь, чтобы он всегда понимал, за что его наказали.

И еще одно условие действительности наказаний: авторитет наказывающего. Если авторитет есть, то «выражать технику семейной дисциплины», пишет Макаренко в своих педагогических работах, будет «не самодурство, не гнев, не крик, не мольба, не упрямство, а спокойное, серьезное и деловое распоряжение... Ни у вас, ни у детей не должно возникать сомнения о том, что вы имеете право на такое распоряжение, как один из старших, уполномоченных членов коллектива. И тогда распоряжение делается обычной формой... и тогда вы научитесь придавать ему самые неуловимые оттенки тона, начиная от тона директивы и переходя к тону совета, указания, иронии, сарказма, просьбы и намека».

Приобретается авторитет годами, а разрушиться может в одно мгновение из-за неосторожной фразы, неправильной реакции на душевный порыв ребенка. Тогда между вами встанет стена взаимного непонимания, и наказания будут лишь бесцельно ожесточать мальчика или девочку.

В письме, которое я привел в начале этой статьи, высказывается мысль, что, дескать, раньше «воспитывали» ремнем, а сейчас только словами, слов же дети не понимают, делают, что хотят, так не лучше ли вернуться к ремню? Нет, тов. Мясникова, не лучше! Вот как убедительно выразил свое отношение к этому виду наказания А. С. Макаренко:

«Если вы бьете вашего ребенка, для него это во всяком случае трагедия: или трагедия боли и обиды, или трагедия привычного безразличия и жестокого детского терпения. Но трагедия эта — для ребенка. А вы сами — взрослый, сильный человек, личность и гражданин, существо с мозгами и мускулами, вы, наносящий удары по нежному, слабому растущему телу ребенка, — что вы такое? Прежде всего вы невыносимо комичны, и, если бы не жаль было вашего ребенка, можно до слез хохотать, наблюдая ваше педагогическое варварство. В самом лучшем случае, в самом лучшем, вы похожи на обезьяну, воспитывающую своих детей».

Вы думаете, что это нужно для дисциплины? У таких родителей никогда не бывает дисциплины. Дети просто боятся родителей и стараются жить подальше от их авторитета и от их власти».

Дружба в семье — вот лучшее средство избежать срывов со стороны ребенка и неприятных последствий этого — наказаний. Но о какой дружбе может идти речь в такой, например, семье, о которой сообщает редакция Л. Степанова из г. Сумы:

Папино воспитание

Фотохуд Б. Романова.

«Недавно моя соседка испекла пирог для гостей и спрятала, а сынишка нашел и съел половину. Мать подумала, что это сделала старшая девочка, и оттаскала ее за волосы. Потом виновник сознался. Мы, соседи, говорим: «Надо перед Танюшкой извиниться», — а она отвечает: «Вот еще, извиняться перед сопливой девчонкой!»

То, что мать оттаскала девочку за волосы, стоит ниже всякой критики, об этом мы только что говорили. Усугубляет вину матери несправедливость наказания. А на вопрос автора письма, следует ли извиняться перед «сопливой девчонкой», хочу ответить: да, следует, ведь у этой девчонки есть человеческое достоинство, его нужно не попирает, а всячески развивать. Кроме того, признаться в своей ошибке куда честнее, мужественнее, чем упорствовать в ней.

И последнее, о чем хочется сказать. Среди жалоб на плохое поведение детей встречаются и такие: «Моя дочь (в большинстве случаев речь идет именно о дочери) влюбилась, и с тех пор ее будто подменили. Уроки делает кое-как, часами крутится у зеркала. Рано ей еще забивать голову мальчишками, но как мы ее ни наказываем, как ни запираем, все равно ухитряется убежать на свидание».

Получается прямо по Грибоедову: «Что за комиссия, создатель...» Но давайте подумаем: в самом ли деле мальчишки являются как бы «стихийным бедствием для девочек»?

Плохо, конечно, когда влюбленные девицы переключают всю свою энергию на торчание перед зеркалом или

на поиски подходящего предлога, чтобы убежать на свидание. Однако в наших силах обратить эту энергию в нужное русло.

Не запирайте девочку на замок, не устраивайте скандалы, не делайте постыдных намеков. Это только отдалит вас от дочери и может даже вызвать недобрые чувства к вам. Так случилось у девочки из Донецкой области, пришедшей в редакцию письмо. Оно начинается словами, которые страшно читать: «Ненавижу своих родителей!» Эта ненависть возникла после того, как отец, встретив дочь с мальчиком, жестоко избил ее, мать же не только не заступилась, а поддакивала: так, мол, и надо.

Между тем можно ведь поступить совсем иначе: постараться, чтобы отношения дочери с мальчиком, который ей нравится, свелись к чистой юношеской дружбе. Вспомним свою молодость: подобное было почти у каждого из нас и стало потом радостным воспоминанием всей жизни. Такая дружба не помешает, наоборот, поможет девочке добиваться успехов в учении, спорте, общественной работе: ей захочется как можно лучше выглядеть в глазах друга.

Как видите, начатая нами беседа о наказаниях повлекла за собой много других тем, связанных с жизнью ребенка. И это неизбежно, ибо наказание есть часть единого воспитательного процесса. А воспитание нового человека — самое сложное и самое важное из всего, чему все мы отдаем свои силы и душу.

Восьмое Марта

(Из воспоминаний о А. С. Макаренко)

Антон Семенович играл в шахматы с секретарем совета командиров Леней Разуновским. Сделав ход ладьей, Антон Семенович задумался.

Разуновский заметил: — Вы сегодня, Антон Семенович, все время отвлекаетесь.

Макаренко усмехнулся: — Ты думаешь, у меня в голове только твои шахматы?

Но тут же сделал новый ход. Несколько времени играли молча. Затем Макаренко сказал:

— Через два дня Восьмое марта. Ты об этом подумал?

Разуновский вопросительно посмотрел на Макаренко. Антон Семенович объяснил:

— Если бы наши девочки были в своей семье, дома, они бы в какой-то мере почувствовали этот день. Сейчас их семья — коммуна. Значит, и надо, чтобы все было, как в семье.

8 Марта с утра в столовой на каждом столе, за которым сидели девочки, стояли вазы с цветами.

Антон Семенович поздравил коммунарок с Международным женским днем. Потом в полшутливой форме заглянул в будущее, высказав предположение, какими станут его воспитанницы. Он учел уже проявившиеся у них склонности к музыке, танцам или общественной работе. Его слова всех рассмешили, коммунары громко зааплодировали.

После этого Антон Семенович объявил:

— Сегодня в столовой весь день обслуживают только мальчики, причем добровольцы, — и лукаво подмигнул девушкам.

Услышав это, несколько старших коммунаров схватив деревянные подносы, помчались к окну раздачи.

В обед Антон Семенович тоже находился в столовой. Леня Разуновский огласил приказ по коммуне. В нем объявлялась благодарность всем девочкам без исключения: кому за хорошую учебу, кому за успехи в работе, а кому за участие в кружках, за аккуратность и т. п.

В этот день Антон Семенович обедал вместе с нами.

На третье, кроме кофе и булочек, была халва. Любителям сладкого добавку халвы давали и во второй и в третий раз.

За соседним с Макаренко столиком сидел Венька Котович, прозванный за свое полное, краснощекое лицо и маленький рост «Колобком». Антон Семенович поинтересовался:

— Как, Вениамин, халву любишь?

— О, — воскликнул Колобок, подняв большой палец, — хочь бы каждый месяц был дивчачий праздник!..

А вечером всей коммуной, с оркестром, в парадных костюмах отправились в цирк.

Этот праздничный день оставил неизгладимое впечатление не только у девочек, но и у всех нас, коммунаров.

В. ЗАИЦЕВ

г. Харьков.

ДВОЕ

Рассказ

Нора АРГУНОВА

Рисунки В. Высоцкого.

Нехоженым закаменевшим снегом забрало мосток, ручей под ним и тропу. Ознобленно топорщится кустарник, жгучий ветер гонит по сверкающей ледне сухой прошлогодний лист. Мороз.

Хорь затаился, припал к земле. Он заприметил лунку у корня старой ивы, где вылезают мыши-полевки, и знал, что им уже время и скоро они появятся. Хорь не ел вторые сутки и потому охотился, хотя не чувствовал голода. Он был болен. Вчера целый день он спал, забравшись в трухлявый, заваленный ельником пенёк, ночью, поглядывая безучастно, слонялся по лесу, своим следом вернулся к лежке и продремал до рассвета. Сейчас он вышел на добычу, но тело у него ломило, и он хватал снег горячим ртом.

Хорь слышал, как глубоко под сугробами льется ручей, и ему хотелось жаркого лета, хотелось кислой лесной костеники, и опять клонило в сон. Но он понимал, что ослабеет, если не поест.

Он открыл глаза и увидел полевку. Мышь высунулась, осмотрелась и осторожно выбралась на снег. Стараясь, чтобы не бугрилась спина, хорь стал подбирать задние лапы для прыжка. Он ждал, чтобы запах полевки раздражил его, но когда запах донесся, почувствовал отарашение. Он поел бы теперь ягод, а не мяса. И все-таки заставил себя сжаться и удобно упереться ногами. Пора было прыгать. Но хорь имел странную привычку часто оглядываться: он жил с постоянным ощущением, что на него могут напасть сзади и в самую неподходящую минуту — отбивался ли он от ястреба или оголодавшей лисы, охотился ли, отдыхал, — он

не мог отделаться от ощущения, что кто-то подкрадывается. И сейчас, перед тем как метнуться, хорь медленно, выворачивая шею, не отрывая головы от снега, оглянулся. За ним лежало пустынное поле. Тогда он кинулся.

Он упал возле ствола, и зубы его сомкнулись точно над тем местом, где только что сидела мышь — она еще была там, когда он летел. Он сообразил, что промахнулся, понял, какая это беда, и страх сжал ему сердце: он никогда не промахивался.

Хорь сунул голову в лунку. Перебивая неприятный мышинный запах, шел снизу крепко настоенный грибной дух отдыхающей земли, а летние следы, оставленные на занесенной тропе человеком, напоминали о тепле.

Скользя по ледяному насту, щурясь, на ходу остужая снегом воспаленный язык, хорь перебрался через ручей и вступил в лес. Он двигался не целиной, а дорогами, нагнув голову, с усилием разбирая по пути привычные знаки, подолгу задерживаясь на перекрестках. Перед ним открылась река. Она была стянута льдом, а в середине, ближе к тому берегу, чернела полынья. Хорь приподнялся на задние лапы, застыл, присматриваясь, и спустился на лед. У самой промоины в ноздри ему ударило запахом, который он искал. Тут было уютно, поблескивало рыбьей чешуей, а от недавнего костра, от угля еще исходило тепло. Ему попалась хлебная корка. Он обнюхал и вцепился в нее зубами. Держа ее во рту, оглянулся на всякий случай и стал есть не спеша, наслаждаясь, но никогда мясо, живое, трепещущее, вызывающее острое, неутолимое волне-

ние, не доставляло такой радости, как спокойный вкус хлеба. Он съел, поискал еще, но больше ничего не нашел и двинулся дальше.

Узкая тропа тонула в снегу, и всюду — на крупных тяжелых следах, на вздымавшихся по сторонам наметах, даже в воздухе — прочно стоял человеческий запах. Хорь не переносил людей, но чем дальше, тем сильнее тянуло дымом и теплом, и он не шел теперь, а скачками бежал.

Лес расступился, хорь свернул в кустарник. Он увидел притихшую небольшую избу, аккуратную поленицу дров у крыльца, и только одно движение было на всей лужайке: чуть заметно, успокоительно дымилась труба.

Хорь перебежал открытое место и ступенька за ступенькой влез на крыльцо. Дверь была приотворена, но он не вошел в нее, а прополз в щель под дверь и оказался в темных вытолкнут войлок и на мягких лапах спрыгнул в комнату. И как только опомнился, встретился взглядом с человеком.

Человек этот, старик с трубкой во рту, сидел у дощатого стола и работал — весь стол был завален исписанной бумагой. Услышав шорох, старик оглянулся, а хорь замер, расставив лапы, изогнувшись после прыжка, и оба смотрели один на другого не шевелясь. Печка с распахнутой дверцей пылала, мелкие угли сыпались через решетку вниз и там тлели в глубине, и пар шел от кипящего котелка.

— Вон кто пожаловал! — удивленно произнес старик.

Он поднялся, огромный, с могучими плечами, а хорь забился под лавку, прижался к стене, оскалился. Но большие руки нагнулись на него дружески и бесстрашно, и хорь дал себя взять. Старик достал блюдо, плеснул молока и подсунул хорю, по-кошачьи сидевшему у него на руке. Тот стал локать, останавливаясь, вздыхая утомленно, и один раз поднял голову и цепко уставился прямо в глаза человеку.

— Ну, ну, — проговорил старик, и хорь опять уткнулся в блюдо.

И, словно зная про него все, старик отломил кусок хлеба. Но хорь уже не мог есть. Он только подобрал под себя хлеб и закрыл глаза. Старик сел за стол, придвинул бумагу, взялся за карандаш. Работая, он поглядывал на хоря, спавшего у него на коленях, покачивал головой и воображал себе страшную жизнь, пригнавшую зверя в человеческое жилище.

Хорь пробыл у старика четыре дня. Чтобы поест, ему не надо было рыскать и выслеживать, а чтобы отдохнуть, не приходилось прятаться. Он никогда никому не доверял, только боялся и ненавидел. Даже своих не любил. Он бился за самку, и тогда свои были смертельными врагами; защищал хорьчат, если им угрожала опасность, но едва они подрастали, он уходил и забывал их. Враги или добыча всегда окружали его. И он жил сейчас оглушенный, разнеженный, сам себя не понимая, и, когда человек брал его своими теплыми руками, выбирался из рук, ползал по груди и по плечам, нюхал старику уши, губы, усы, а старик поглаживал хоря, приговаривая тихо:

— Ну и шуба у тебя, брат! И красив же ты, брат! Умица, что пришел.

А на пятый день утром старик заметил, что хорь, примостясь на подоконнике, смотрит в лес. Там, в лесу, падал снег, деревья потемнели и сдвинулись, и ель, скованная до того морозом, свободно раскинула оттаявшие ветви.

Птица пролетела за окном, хорь метнулся и замер, и в напряженном изгибе его длинной, стройной шеи, в повороте маленькой головы старик уловил хищное выражение, какого еще не видел. И еще одно запомнил старик: как хорь оглянулся. Он повернул голову с нервной, судорожной медлительностью и осмотрел комнату с тоскливым страхом затравленного. А когда человек направился к нему, хорь прынул на задние лапы, предостерегающе взвизгнул, готовый броситься.

Тогда старик приоткрыл дверь и вернулся к столу.

Он сидел, посасывая трубку, хмуро наблюдая за хорем. Студеный пар пошел клубами от двери, докатился до стены, поднялся к окну, и хорь, глубоко втянув в себя запахи леса, бесшумно спрыгнул на пол. Он пересек комнату крадущейся походкой, словно его выслеживали. У порога остановился и через плечо покосился на старика. Чуждо, с подозрительностью впились в человека холодные зрачки. Прижимаясь к доскам, хорь переполз через порог, распластался под дверью и исчез.

Старик вышел на крыльцо. Зажав зубами потухшую трубку, он смотрел, как уходит зверь. Мокрый снег залеплял маленький синий след. У края поляны хорь легко взмахнул на сугроб, слился с кустарником, и оттуда с тревожным криком поднялись птицы.

Старик вернулся в комнату, присел у печки и долго, не шевелясь, глядел на огонь, слушая, как вокруг дома гудит лес.

Елена ЛЮБОМСКАЯ

Лирика

Воскресенье в цехе

В цехе наступило воскресенье.
И сама себе удивлена,
Здесь, грустя о стоголосой смене,
По пролетам бродит тишина.

И станки глядят осиротело,
Настроенью общему под стать,
Будто неудобно им без дела,
Непривычно здесь одним стоять,

Будто так, по-человечьи чутки,
В ожиданье верном и в тоске
По мужской солоноватой шутке,
По девичьей ласковой руке.

* * *

Мне говорят: не верь.
Мне говорят: не надо.
Но верю я правде голоса,
И верю я правде взгляда,
Вечеру с честными звездами
И с тополями прямыми.
С распахнутыми, как сердце,
Близко глазами твоими.
Слова есть, как брызги морские:
Высохли — их и нет.
Лишь на щеках остается
Горько-солёный след.

Слова есть, как небо и листья,
Как дома и мосты —
Так же необходимы,
Надежны и просты.

* * *

Март, как подросток, еще угловат:
Ветки худые топорщат ясень.
Март поутру просыпается — взгляд
Его удивленно ясен.
Идет, одряхлевший февраль сменя,
Робок пока еще и безлистен.
Но в нем уже брошены семена
Чувств высоких и смелых мыслей.

* * *

Ветер, ветер, разве ты вправе
По улицам так носиться?
Ведь ничего же нельзя поправить,
Так для чего беситься?

Делать небо мутным от пыли,
Когда совершенно ясно:
Если не пишут — значит, забыли,
И нечего ждать напрасно.

И вообще, ветер, с дороги прочь ты,
Хватит bestолку мести!
А я все равно заверну на почту:
Может, сегодня есть?

Почему погасла лампа

Мы трикотажницы—вязальщицы, кройщицы, швеи. Нам приходится иметь дело с очень мелкими петельками, винточками, узелками, поэтому для нас особенно важно, чтобы в цехе было много света, чтоб не приходилось сверх меры напрягать зрение.

Наша фабрика оборудована лампами так называемого дневного света, люминесцентными. При таком освещении гораздо легче различать цвета, мелкие детали. Почему же нередко нам приходится работать на плохо освещенных машинах?

Лампы дневного света, особенно те, которые изготовлены на Саранском и Ереванском электроламповых заводах, выходят из строя гораздо раньше положенного срока. Вместо 3 тысяч часов они горят иногда 300—400. А ведь долгий срок службы ламп считается одним из главных преимуществ люминесцентного освещения.

Не лучше самих ламп и стартеры-пускатели к ним. Бывает, что в коробке из 25 штук нет и 10 исправных. А сменить лампу или стартер в рабочее

время не просто: надо останавливать машину, прекращать работу. Страдает рабочий, страдает производство. А при потухшей лампе работать не будешь, и терять драгоценные минуты тоже не хочется.

Да и лампа для замены не всегда есть: люминесцентных ламп производится явно недостаточно.

Иногда думаешь: в такую минуту оказались бы в нашем цехе рабочие заводов, сделавшие эти лампы! Немало резких слов выслушали бы они о качестве своей работы.

Мы хотим узнать, когда же люминесцентные лампы и стартеры-пускатели к ним будут хорошего качества? Когда их станут выпускать столько, сколько требуется? Когда в цехе у нас будет светло?

Работницы Московского трикотажного комбината В. КНЯЗЕВА, М. КУЛИКОВА, Р. КУЧЕРСКАЯ, А. САЛЬНИКОВА, Л. ГЕМБИК, З. ГАВРИЛОВА, Р. КРЮКОВА, электрик Ю. КЛЕМЕНОВ

От редакции

Быть может, то, о чем пишут работницы,— частный случай, исключение из правил? Может быть, это касается лишь одного комбината?

Нет, к сожалению, это не так. Как сообщила нам заведующая лабораторией промышленного освещения Всесоюзного института охраны труда Н. П. Джигриевская, такое положение характерно для многих предприятий текстильной и трикотажной промышленности. На ряде фабрик Ленинграда, Костромы, Риги и других городов освещенность в два раза ниже нормы. На Ивановской прядильной фабрике имени Дзержинского, например, в новом мотально-сповальном цехе уже через полгода установки вышли из строя, освещенность понизилась сначала в два, а затем в четыре раза. А на станках, где выработывается гобеленовая ткань, в светильниках оставили по две лампы вместо трех, так как ламп не хватает. Результаты не замедлили сказаться: производительность труда уменьшилась на 1,4 процента, у ткачих стали уставать глаза.

Знают ли об этом заводы, изготавливающие лампы?

Мы позвонили на Саранский электроламповый. К телефону подошел заместитель секретаря парткома Н. С. Безин.

— Что? — переспросил он. — Жалобы на плохое качество ламп и стартеров? Не может быть. Мы рекламаций не получали. По тем, что были, меры давно приняты, лампы должны гореть.

Директор Ереванского электролампового завода Р. П. Амирян говорил еще категоричнее:

— Перешлите нам эти жалобы, и мы еще проверим, умеют ли товарищи

включать лампы. У нас ни одной рекламации нет.

Чем объяснить такое странное положение: лампы плохие, а рекламаций нет?

— Очень просто,— сказал нам главный механик Московского трикотажного комбината тов. Вишняков,— лам-

Люминесцентные лампы «с гарантией».

па стоит всего 70 копеек, не будешь же на каждую писать рекламацию. И потом мы с заводом не связаны, мы получаем лампы через контору по снабжению, пусть контора и пишет.

Есть в Москве специальная контора совнархоза, которая должна снабжать все предприятия Москвы люминесцентными лампами. Но снабжать ей часто, к сожалению, нечем. Заместитель начальника конторы В. Г. Рубанов привел такие цифры: в 1962 году Москва должна была получить 800 тысяч ламп, а получила всего 106 тысяч, в восемь раз меньше. Госплан предусматривал получение ламп с заводов, которые еще только строятся. Так, почти половину всего полагающегося Москве количества ламп должен был, по мысли работников Госплана, поставить Бакинский электроламповый завод, а он не дал; 300 тысяч штук недодал Саранский электроламповый, тоже не достигший полной мощности.

В результате такого «планирования» многие новые заводы и фабрики, построенные с расчетом на люминесцентное освещение, вынуждены вновь переходить на лампы накаливания.

Бессильным в этом отношении оказался и Государственный комитет по автоматизации и машиностроению, который обязан следить за качеством ламп. Начальник отдела светотехнической промышленности комитета тов. Милкин ссылается на то, что до сих пор у комитета не было прав, разве вот теперь дело пойдет по-другому...

Публикуя письмо работниц Московского трикотажного комбината, редакция надеется, что Государственный комитет по автоматизации и машиностроению и СНХ СССР примут меры к тому, чтобы лампы над станками работниц не гасли до срока.

Рисунок Г. и В. Караваевых.

Мы связаны одной нитью

Открытое письмо комсомольцам Черниговского завода синтетического волокна

В 11-м номере «Работницы» за 1962 год мы читали статью под заголовком «Нить невидимая, но крепчайшая». Мы рады за Нину Агееву из поселка Решетиха, Горьковской области, и за Валю Матанову из Ярославля, которые из черниговского капрона делают сети и кордную ткань и довольны качеством капроновой нити. Хотелось бы и нам присоединить свою благодарность комсомольцам Черниговского завода синтетического волокна, но... чулки, которые мы делаем из черниговского капрона, получаются полосатыми — сплошной брак.

Наша фабрика направляет рекламации на поставку плохого капрона. Госинспекция подтверждает низкую сортность и даже брак капрона. Начальник ОТК Черниговского завода тов. Крамаревская своими глазами убедилась, какого качества чулки получаются из их капрона. Однако руководство завода упорно утверждает, что этот капрон отвечает требованиям ГОСТа. Вместо того чтобы улучшать качество волокна, изучать причины дефектов и устранять эти причины, как это сделал коллектив такого же молодого предприятия в г. Энгельсе, работники Черниговского завода ищут лазейки в ГОСТе, чтобы прикрыть брак.

Нашу фабрику черниговцы поставили в тяжелое положение. По их вине мы не выполнили плана по выпуску капроновых изделий. Может быть, в Чернигове делают и хорошее волокно для сетей. Не спорим. Но уж если взялись за выработку нити №№ 150/1 и 200/1, то осваивайте технологию так, чтобы мы не плакали при переработке этой нити.

Хорошо сказала Валя Матанова, ткачиха корды из Ярославля: «Нельзя подводить друг друга, все мы связаны одной нитью!»

Мы обращаемся к комсомольцам Черниговского завода синтетического волокна. Давайте, товарищи, работать так, чтобы не было стыдно за нашу продукцию перед потребителем!

СОЛОВЬЕВА, секретарь комитета комсомола; ПИСЬМЕННАЯ, секретарь комсомольской организации вязального цеха; ПЕРЕВЕРЗЕВА, МЯСНЯКИНА, члены бригады коммунистического труда капронового участка; КАСКОВ, КОЛБАСИН, помощники мастеров бригад.

г. Феодосия. Чулочная фабрика.

Отписками детей не накормишь

Конверт туго набит, хотя письмо умещается на одном тетрадном листке. Остальное — машинописные строчки на бланках, «официальные бумаги».

«Дорогая редакция, — говорится в письме работницы швейной фабрики А. Г. Ходыревой, — я и другие матери грудных детей, живущие в Кунгуре, Пермской области, ждем от вас настоящей помощи, а не извещений, что письмо переслано туда-то. Таких извещений и ответов, как видите, было много, а толку никакого».

Когда моему Славике исполнилось три месяца, у меня пропало молоко. Пошла со своей бедой в детскую консультацию, там объяснили, каким должно быть питание малыша-искусственника. Сюда входят и разные молочные смеси, и кефир, и кисели, и фруктовско-овощные шоре.

Но на всех продуктов, нужных моему сыну, в детской консультации предложили лишь молоко. Ни смесей, ни фруктовско-овощных соков там нет. Вот и приходится довольствоваться молоком да манной кашей. Не удивительно, что мой Славик худенький, часто болеет».

Многочисленные бумаги, приложенные к письму, свидетельствуют о том,

что А. Ходырева уже обращалась во многие организации. Ее первое письмо было адресовано Пермскому областному отделу здравоохранения. Работники облздравна довольно быстро отозвались на сигнал. Кунгурскому горздраву было предписано: «Принять меры к расширению смесей на молочной кухне».

Как реагировал на это горздрав? Он попросту отмолчался, благо областное начальство больше его не беспокоило. Видя, что никакого улучшения нет, тов. Ходырева снова взялась за перо и, уже не веря в помощь местных организаций, отправила письмо в Министерство здравоохранения РСФСР. «Принять меры» и там: послали сотрудницам Пермского облздравотдела такую же бумагу, какую те посылали кунгурцам.

И вот по командировке редакции я в Кунгуре. Разумеется, прежде всего надо побывать на детской молочной кухне. Однако, к моему изумлению, работница справочного бюро, куда я обратилась за адресом, позвала плечами:

— Такого учреждения в Кунгуре нет.

Печальные сведения подтвердились: при детской консультации — единст-

венной в городе — есть лишь раздаточный пункт, где получают молоко для своих малышей 640 женщин. Есть еще много нуждающихся, но обслужить их пункт не может: он уютится в тесной комнатухе.

Почему же в городе с 80-тысячным населением нет детской молочной кухни?

— Она нам, конечно, необходима, — говорит заведующий горздравом С. С. Леконцев, — я мы давно собираемся ее открыть. Приобрели холодильник; по распределению нам отпущены центрифуга, электросиловый аппарат, но установить это ценное оборудование негде.

Год назад было отведено помещение для детской кухни. На его ремонт отпустили 6 тысяч рублей. Однако 2-е строительное управление Пермского облсплкомма в течение года не освоило из этой суммы ни копейки.

Оказалось, что капитальный ремонт здания молочной кухни в годовой план СУ-2 не входил. Председатель горисполкома тов. Ламбин и начальник строительного управления тов. Белкин заключили между собой джентльменское соглашение о том, что эта работа будет сделана вне плана. Дел у строителей хватало, выполнить обещание не удалось. Белкин пережил это спокойно: в плане не записано, стало быть, с него взятки гладки. Тем более, что горздрав и не настаивал, не бил тревогу — нет так нет.

Нетребовательность Кунгурского отдела здравоохранения заслуживает того, чтобы сказать о ней особо.

Донорского пункта грудного молока в городе не существует: работницы горздрава полагают, что вряд ли найдется матери, имеющие избыток молока, хотя никто всерьез не пытался их искать. Пункт раздачи молока при детской консультации работает из рук вон плохо. По воскресеньям и праздникам он закрыт: очевидно, считается, что в эти дни малыши могут не кушать. Бывают перебои и в обычные дни. Летом, например, когда уходила в отпуск продавец Л. Каданцева, замену ей находили не всегда, и молоко отпускали сразу на 2—3 дня. Случалось, что молоко выдавали прокисшим, при этом ссылались на отсутствие холодильника, а холодильник тем временем валяется на складе.

Достоин удивления полное равнодушие работников Пермского облздравотдела и Министерства здравоохранения РСФСР к положению с детским питанием в Кунгуре. Ведь и те и другие знали о тревожных сигналах и обязывали Кунгурский здравотдел «принять меры к расширению ассортимента смесей» на молочной кухне, хотя такой кухни не существует в природе. Ни заместитель начальника отдела лечебно-профилактической помощи детям Министерства здравоохранения РСФСР тов. Кулакова, ни инспектор Пермского облздравотдела тов. Каленова, подписавшие распоряжения, не поинтересовались, изменилось ли что-нибудь после их «руководящих указаний».

Редакция ждет, что бумажная волокита вокруг молочной кухни в Кунгуре наконец кончится и кухня будет открыта.

Н. МОРОЗОВА

Венгерские

Из блокнота журналиста

Венгры любят Будапешт и, уж конечно, не упустят случая показать гостю свою столицу с высоты птичьего полета. Гора Геллерт — самое высокое место в городе. Не случайно именно здесь в память освобождения Венгрии воздвигнут величественный монумент Свободы. Стройная женская фигура с пальмовой ветвью в высоко поднятых руках как бы провозглашает торжество Победы.

До 1945 года Венгрия называлась страной «трех миллионов нищих». Не знаю, кто занимался таким статистическим подсчетом, но думаю, что тогда в это число входила и маленькая девчушка по имени Марика...

Нищета гоняла девочку по стране в поисках хлеба и крова. Вначале приют для сирот, затем дома богатей, где она нянчила хозяйских детей да еще стирала, чистила, скребла. И все скорее, чтобы не слышать: «Пошевеливайся, лентяйка!» И все через силу. А откуда же взяться силе, когда картошку выдавали по счету? Зато щедро, без счета, давали хозяева подзатыльники и тумачи. Кажется, собери все выплаканные в детстве слезы, Дунай вышел бы из берегов...

И вот мы вместе с Марикой Мюллер любуемся с вершины горы Геллерт россыпью огней Будапешта. Марика теперь работает на почте и учится в университете на 3-м курсе филологического факультета.

У нее славные дети — две дочери и сын. Хороший муж. Живут в отдельной квартире, обставленной современной мебелью.

— Разве я, лежа на подстилке из тряпья в хозяйском доме, смела мечтать о том, что мои дети будут иметь отдельную спальню, учиться в музыкальной школе и иметь свой инструмент? Даже страшно подумать, что все это у меня однажды пытались отнять...

Как кошмарный сон, вспоминает Марика ту осеннюю ночь 1956 года, когда внезапно появился в ее квартире сын бывшего домовладельца.

Марика Мюллер, командир отделения добровольной рабочей дружины.

— А ну, выметайся отсюда, коммунистическое отродье, пока я не выкинул тебя в окно вместе с твоими щенятами! — злобно прорычал он и наставил на Марика дуло автомата.

Ушла Марика с тремя малышками в горы. И не одна она. Много стариков, женщин и детей скрывалось там, пока на улицах Будапешта зверствовали невесты из каких щелей выползшие сынки бывших фабрикантов, помещиков, хортистских чиновников.

В те дни Марика вступила в добровольную рабочую дружину, вставшую на защиту народной власти, была рядовым бойцом. А сейчас она командир отделения.

— Столько у вас дел — ребята, учеба, семья. Может быть, хотя бы на время учебы в университете вам выйти из рабочей дружины? — спросил я.

Марика решительно покачала коротко остриженной головой:

— Нет. Я полюбила свою родину такой, какой она стала после освобождения. И пока жива — не выйду из строя ее верных защитников.

2

С Игнаце Шимон я познакомилась на конференции читателей журнала венгерских женщин «Нек лапья». Одета в красивый

национальный костюм, отлично прилаженный к ее статной фигуре, Игнаце выделялась среди горожанок, и, глядя на нее, я невольно подумала о том, как много мы теряем оттого, что игнорируем национальный колорит в одежде. Но не об этом речь.

Журнал «Нек лапья» пользуется большой популярностью и любовью венгерских женщин — это их друг и помощник, советчик и защитник. Редакция довольно часто устраивает встречи со своими читателями, подобно той, на которой мне довелось быть.

На конференции, пожалуй, главным образом шел разговор о месте женщины на производстве и о ее участии в общественной жизни страны. Назывались

имена ударниц социалистического труда, активисток, отдающих все свое свободное время общественной работе.

— Об этих женщинах, — говорили участники конференции, — надо писать в журнале так, чтобы пример лучших зажигал, тогда станет еще больше последователей движения за социалистический труд.

Как задушевному другу поверяли читательницы журналу свои обиды. Нет-нет да и всплывут наружу пережитки прошлого. Кое-кто до сих пор еще смотрит на женщину как на существо низшее, неспособное выполнять равную с мужчиной работу.

— Взять хотя бы наш оператив, — говорила Игнаце Шимон. — Когда в селе

Игнаце Шимон.

Встречи

Л. БУРМИСТРОВА

Народное гулянье в честь окончания уборки урожая.

открылась вечерняя школа, всех приглашали учиться, и особенно женщины. А мужья взбунтовались: не отпустим, нам, мол, хозяйки в доме нужны, а не министры просвещения. Мой тоже начал было возражать, но я его не послушала. Больше того, я не только сама пошла в школу, но и мужа посадила рядом с собой за парту. «Учись», — говорю, — а то мне неинтересно будет жить с тобой, с необразованным». В прошлом году мы оба закончили седьмой класс, а сейчас уже втянулись и хотим учиться дальше. На будущий год думаем поступить в сельскохозяйственный техникум. Односельчане спрашивают меня: «Ты, Игнаце, видно, и правда собираешься стать председателем Совета министров». «Нет», — говорю я им, — такая работа мне не по плечу, но когда кончу техникум, то больше принесу пользы своему кооперативу...»

В перерыве мы разговорились. Я узнала, что у Игнаце три сына. Старший, Иштван, учится в гимназии г. Калоча, он секретарь союза молодежи.

— Жаль, что нет его здесь, — посетовала Игнаце, — Иштван изучает русский язык и поговорил бы с вами лучше, чем я. Он переписывается с русской девушкой. Вначале говорил, что это нужно для практики, а теперь, видно, и другой интерес появился.

О делах своего кооператива Игнаце рассказывала:

— Сперва, когда нам дали землю, мы вцепились в свои полоски и копошились на них, как кроты. Нам говорили: вступайте в кооператив, а нам жаль было со своим клочком земли расстаться. Да и, к слову сказать, незавидная тогда была жизнь в кооперативе, не то что теперь. Не понимали мы еще, что загвоздка-то была в плохих начальниках. А ведь нерадивый руководитель в кооперативе хуже сорняка. Только негодную траву всякий вырвать может, а поди-ка подступись к началь-

ству. Мы так думали: хоть и негодный он, а прислан сверху — значит, трогать его нельзя. Ну, слава богу, с тех пор поумнели, поняли, что земля-то дана нам затем, чтобы люди с умом на ней хозяйничали. Новому руководству так и сказали: будете стараться, почет вам и уважение от всего общества. А если и вы тоже будете протирать штаны в кабинетах, всем миром скажем: не годитесь, уходите! На жизнь не жалуемся, почти у каждого в доме телевизор, мотоцикл. Да что я хвастаю, — схватила Игнаце, — приезжайте и посмотрите, как живут крестьяне в Венгрии, а потом расскажите о нашем житье-бытье своим читательницам. Я недавно познала грамоту и, наверно, поэтому так ценю теперь печатное слово.

К сожалению, из-за недостатка времени мне не удалось воспользоваться гостеприимством Игнаце. Но я узнала, что кооператив имени Петефи, членом которого она состоит, давно уже вышел в число передовых.

3

На конверте штамп: «Куба, Гавана». И адрес: «Венгрия, Будапешт. Электрозавод имени Клемента Готвальда. Совету женщин».

— Это от Калмане Ковалички, — обрадовались в женсовете.

Калмане год назад уехала с мужем на Кубу, но имя ее и по сей день значится в списке рабочих завода. Все знают: вернется Калмане и, как прежде, встанет на трудовую вахту. Иначе и быть не может, потому что вся ее жизнь связана с заводом.

Но на этот раз письмо было не от Калмане, хотя и о ней. Члены Федерации кубинских женщин благодарили коллектив завода за то, что он воспитал такую энергичную, преданную делу социализма женщину, как Калмане Ковалички.

— Слыхали о Калмане? Молодец, не посрамила нашей рабочей чести!

А вскоре и сама Калмане написала подругам. Как

всегда, у нее множество идей и не терпящих отлагательства дел. «Я помогаю кубинским женщинам открывать детские сады, — сообщала она. — Только вот беда: игрушек у нас не хватает...»

И вот в заводской совет женщины стали поступать деньги на подарки кубинским детям. За короткое время было собрано 6 500 форинтов. Этой суммы хватило на то, чтобы купить игрушек не одному детскому саду.

О Калмане Ковалички и письме кубинских патриотов мне рассказывали участники совещания республиканского совета женщин. Совещание проходило в здании Государственного собрания — великолепном дворце на берегу Дуная.

Много хороших слов можно сказать о каждой участнице совещания, трудно перечислить все добрые дела женских советов, о которых они рассказывали. От секретаря женского совета Будапештского завода ламп накаливания Пап Иштване я узнала о работницах, которые в свободное от смены время помогали своей подруге строить дом.

Работницы пивоваренного завода города Печи говорили о дружбе с сельским кооперативом. Каждый год они помогают своим друзьям в полевых работах. И уже стало традицией в честь окончания сбора урожая устраивать совместное народное гулянье.

Женский совет перчаточной фабрики, продукцию которой знают во многих странах мира, шефствует над детским домом. По-матерински заботятся активистки о сиротах, приобщают их к делу, которым сами

занимаются, и уже многие из бывших воспитанниц сейчас стали передовыми работницами фабрики.

Я слушала педагога Деши Губер, директора предприятия Лягради Ференц, птичницу Фенети Яношне и многих других женщин и невольно думала: каждая трудится на своем участке, имеет семью и все же находит время хлопотать об открытии детского сада и вечерней школы для взрослых, устраивать на работу паренька, отбившегося от рук, мирить жену с мужем, учить мать воспитывать ребенка, убеждать бабушку, чтобы она не заставляла внука ходить в церковь...

Много хлопот у активисток женских советов, много важных и неотложных дел, но самая главная задача, которая сейчас стоит перед общественностью Венгерской Республики, — это забота об общем и политическом образовании женщин. Об этом говорила в своем докладе секретарь Национального совета женщин Жужа Ортутай. И, судя по той активности, с которой работают венгерские женщины, эта задача будет также ими успешно выполнена.

Я прошу венгерских женщин извинить меня за то, что коротко рассказала об их делах, не коснулась многих проблем, которые их волнуют, и трудностей в работе. А они, безусловно, есть. В коротких заметках все не расскажешь. Но в моей памяти навсегда останутся теплые встречи с женщинами, со всей щедростью отдающими себя делу, которое любят и в которое безоговорочно верят, — делу строительства социализма.

Первый водопровод в селении.

В детской консультации.

К Всемирному конгрессу женщин в Москве

Такой я увидела Гану

Ирина ЛЕВЧЕНКО,
писательница

Колониализм, рабство, угнетение, унижение человеческого достоинства — кому, как не женщинам Африки, довелось все это испытать, причем в усиленной дозе: они-то были еще и мужниными рабынями. По дому всю, даже самую тяжелую мужскую работу делали женщины. Вся тяжелая физическая работа лежала на женских плечах. Попробуй потолки маис! Все орудие — долбленная из цельного ствола чаша-ступка и тяжелый деревянный пест. Вот женщина и стучит, стучит много часов подряд...

Но недавно в одной из деревень Ганы я наблюдала такую сцену. Лихо орудуя здоровенным пестом, женщина толоч маис, а жена подавала ему зерно и посуду для уже размолотой крупы и муки. Мужчина новой Ганы помогает жене в тяжелой работе. И это очень важно.

Далеко в глубине Ганы лежит городок Тамале. Как и всюду, есть в городке рынок, шумный, пестрый. К своему удивлению, я почти не видела на этом рынке детей. А ведь обычно мать, отправляясь с рассветом на рынок, привязывает себе на спину малого ребенка, берет за руку второго, который постарше и

сам может кое-как ковылять на слабых ножках. И весь день на солнцепеке, в грязи, среди мух и испарений ползают по земле дети. А на рынке в Тамале детей нет. Или рожать здесь стали меньше?

Мэри Адам, милая маленькая женщина, с тонкими, почти детскими руками и большими печальными глазами, объяснила, в чем дело. В Гане есть единая женская организация — Национальный совет женщин Ганы. В каждой провинции — республика делится на восемь провинций — есть свой региональный комитет. Мэри Адам — председатель такого комитета в Тамале. Женщины провинции Тамале решили бороться за здоровье нового поколения.

— Они, дети наши, — сыны и дочери свободной Африки. Мы должны уберечь их от того, что досталось на долю старших, — говорит Мэри Адам.

Комитет начал с того, что открыл однодневные ясли при рынке. Теперь матери, приходя на рынок, сдают туда своих детей.

В яслях работают три специально обученные девушки. Теперь это уже профессиональные воспитательницы. Няни, уборщицы — пожилые женщины —

приходят дежурить по очереди. Женщины стали интересоваться правильным питанием детей. Есть два повара. Дети ухожены, накормлены.

— Мы замечаем, — сказала Мэри, — что многие матери, после того как их дети побывают в наших яслях, и дома стараются содержать их в чистоте.

Секретарь комитета — веселая, совсем юная девушка Стелла. Она работает еще в бюро по улучшению питания.

— Это очень важная проблема — правильное питание, — говорит Стелла. — Жили-то ведь как — в нищете. Ели что попало, вернее, что приходилось. Особенно важно нормальное питание для беременных женщин.

Вот и ходят из дома в дом Мэри, Стелла и другие активистки комитета, учат, что полезно есть беременным женщинам, чтобы ребенок родился здоровым, чтобы не повредить ему.

А женщины в большинстве своем неграмотные, да и не так просто отказаться от извечных обычаев.

Ходят активистки по домам, учат неумелых мамаш пеленать новорожденных, ухаживать за ними. Никогда еще такого не было! Удив-

ляются матери, а новый порядок им нравится.

Нет у женского комитета дел «мелких» и «крупных» — все дела важные. Разве научить женщину шить, дать ей элементарные санитарно-гигиенические знания, устроить в вечернюю школу, показать, как готовить разнообразную еду, а не только похлебку или грубые маисовые лепешки, — разве все это можно разделить на «маленькое» и «большое»?

Это борьба за новый быт, за ликвидацию тяжелого наследия колониализма.

Идешь по улице и наблюдаешь. Мальчонка старательно трет себя мочалкой, натирается мылом, с удовольствием обливается водой. Около дома не один котел на огне, а два, три: готовится обед — первое, второе. Наверное, хозяйка посещала кухонные показы Стеллы...

А вот идет пожилая женщина. На голове у нее ученический портфель. Ясно: из вечерней школы.

И совсем уж удивительное: сидит старуха и читает газету. Выучилась на старости лет.

О, еще много надо поработать женским комитетам Ганы, чтобы поднять самосознание женщин, чтобы

все они стали такими, как Мэри и Стелла. Но сделано главное: в Гане женщина уже не рабыня.

Африканские женщины и раньше славились грациозной походкой. Теперь к естественной грации добавилась величественность.

Идет такая красавица в ярких своих одеждах, и чудится: идет тебе навстречу сама гордая Африка. Ее уже не поставишь на колени, не заставишь согнуться. И очень хочется, чтобы сыны и дочери, дети ее свободы, были прекрасными, смелыми и здоровыми.

В Гане уже немало женщин с новой судьбой. Они в рабочих бригадах — на государственных предприятиях, они поднимают сельское хозяйство, строят дома, дороги. Здесь есть уже и трактористки. Так жаль, что не удалось поговорить с одной из них, чернокожей, белозубой. Но я видела ее. Есть женщины — адвокаты и судьи, есть писательницы. С двумя я познакомилась.

Эфуа Сезерленд — умница, красавица и талантлива. Мы встретились как старые знакомые — ее книга детских стихов издана в Советском Союзе. О Мансе Эпиаду могу говорить долго: очень она мне понравилась. Манса какая-то удивительно уютная, домашняя, глаза веселые, с искорками, улыбка мягкая, обаятельная. Манса — вице-президент Ассоциации писателей Ганы и очень известная детская писательница.

В Гане есть женщины — члены парламента. Это совсем новое. Один видный политический деятель Ганы сказал:

— У женщин такой же мудрый ум, как и у мужчин, и кое в чем даже пронзительнее. Мы знаем это, но раскрыться этой мудрости дала только независимость, только свобода.

Член парламента София Даку, мать многочисленного семейства, говорила мне:

— Женщины Советского Союза особенно близки нам, потому что в каждой из вас мы видим свое будущее. Нам, женщинам Ганы, даны уже большие права. Но не все женщины могут ими воспользоваться, главным образом из-за неграмотности. Сейчас многие учатся и выходят на правильную дорогу жизни.

Приезжайте к нам через три-четыре года, и вы не узнаете Гану.

На встрече в Тамале высокая, молодая, прямо-таки богатырь и в то же время по-женски прелестная Аджуга Тукурд притащила старинный, заряжающийся с дула дробовик. Он несколько раз дал осечку, а потом грохнул. Это был салют дружбы.

Аджуга Тукурд происходит из семьи смелых охотников. Удовлетворенная громовым своим выстрелом, от которого у всех нас долго еще звенело в ушах, она торжественно заявила:

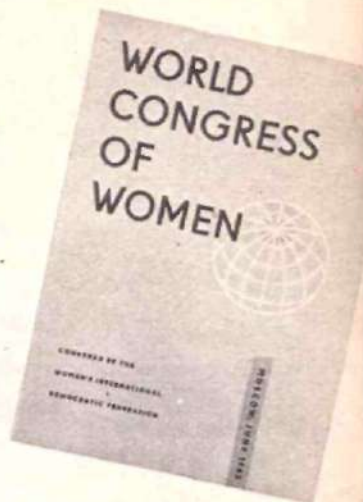
— Женщины Ганы, как и женщины Советского Союза и всего земного шара, стоят за мир, за светлую жизнь. Но я хочу, чтобы вы передали своим женщинам: мы знаем, что в годы войны они отважно наравне с мужчинами сражались с врагом. И если империалисты развяжут войну, мы, женщины Ганы, будем с вами в одном строю, плечом к плечу. И мир победит войну.

Вот как сказала свободная африканская женщина Аджуга Тукурд, нянча в руках свой старинный дробовик...

Я перечитала эти вот записки, сделанные торопливой рукой в саванне и джунглях Республики Ганы, ранее бывшей английской колонией Золотой Берег, а еще раньше, где-то в глубине веков, — африканским царством Гана. Перечитала и сама неожиданно для себя заметила, что ни слова не написала о пальмах, о золотом и жестоком солнце, о конических шапках деревенских хижин, о леопардовых шкурах и обо всем том, что с такой обязательностью присутствует во всех очерках и рассказах о далеких африканских странах. И подумалось: это естественно.

Женщины Африки вышли на широкую дорогу, становятся в общий строй, и мы идем в одной шеренге, взявшись за руки. И едина наша борьба за мир и наша ответственность за будущее человечества. Мы как бы члены одной большой семьи. В этой семье все очень заняты, у всех много работы, и на какой-то далекий — не второй, а, наверное, десятый план — отходит всевозможная экзотика как нечто легкое и несущественное.

ЖЕНЩИНЫ ВСЕХ КОНТИНЕНТОВ ГОТОВЯТСЯ К ВСЕМИРНОМУ КОНГРЕССУ В МОСКВЕ

Подготовка к конгрессу развернулась на всех континентах нашей планеты. В ней участвуют самые различные женские организации, представительницы разных слоев населения. Во многих странах организованы специальные подготовительные комитеты, в задачу которых входит пропаганда идей конгресса и подготовка к нему. Такие комитеты действуют в Англии, Мексике и других странах.

● В Джакарте недавно состоялся пленум самой большой в Индонезии женской организации — «Гервани». Индонезийские женщины с радостью приветствовали решение Международной демократической федерации женщин о созыве конгресса в Москве. Международный женский день 8 Марта проходит в стране под знаком подготовки к этому большому событию.

● Из Сиднея (Австралия) пишет Эльфрида Морком — координатор женских комитетов профсоюза шахтеров. Она сообщает, что федерация шахтеров обязательно пошлет на Всемирный конгресс женщин в Москве своего делегата. «В шахтерских районах», — пишет она, — широко распространена безработица, от которой страдают женщины и дети. Женщины требуют, чтобы национальные средства расходовались на улучшение жизни, а не на вооружение». Жены шахтеров Австралии горячо поддерживают идеи Всемирного конгресса.

● Из Праги (Чехословакия) пишут, что здесь состоялось широкое заседание Комитета чехословацких женщин, посвященное подготовке к Всемирному конгрессу. Чешские подруги решили создать фонд солидарности. Цель этого фонда — оказать помощь подругам других стран и тем самым выразить свою интернациональную солидарность с ними. Средства из фонда будут использоваться также для массовой пропаганды задач конгресса.

● В Варшаве (Польша) вышла специальная открытка, посвященная подготовке к Всемирному конгрессу женщин в Москве. На открытке рисунок Анри Матисса, а на обороте надпись на семи языках: сообщение о месте и времени созыва конгресса. Открытка издана по просьбе МДФЖ и рассылается по всему миру.

● Горячо поддерживает идеи Всемирного конгресса Союз итальянских женщин. Подготовка к конгрессу развернулась по всей Италии.

● Сообщения о желании участвовать в конгрессе поступают из Норвегии и Швеции.

● Пришли письма из ФРГ. Участницы движения женщин за мир в трудных условиях западногерманской действительности ведут массовую работу среди женщин, готовясь к конгрессу. Издается специальная открытка.

● Федерация израильских женщин сообщает, что в Израиле организован комитет содействия Всемирному конгрессу. В него вошли представители многих организаций и партий, общественные деятели, участники борьбы против национализма, писатели, художники, ученые.

«АСТА ЛАВИСТА!»

Н. АРУТЮНОВА,
бортпроводница «ТУ-114»

Туман цепляется за верхушки деревьев, тяжелыми каплями стекает к земле. Сейчас наш командир скажет: «Разрешите взлет!» — и самолет устремится навстречу ветрам.

Раннее зимнее утро. Мы вылетаем на Кубу.

Александр Константинович Витковский выводит двигатели на взлетный режим, и в их ликующем гуле нам слышится приветствие острову Свободы.

Мы давно «заболели» полетом на Кубу. Еще с тех пор, как в штурманской комнате появилась громадная, не уместившаяся на стене карта маршрута Москва—Гавана, как начали изучать испанский язык и с удвоенным интересом относиться к каждой строчке, рассказывающей о Кубе.

Поздние звезды с любопытством заглядывают в наши иллюминаторы: что там, в этом громадном сигарообразном снаряде, с такой скоростью рассекающем воздушное пространство?

Идем на высоте 11 тысяч метров. За иллюминаторами бушует ветер, а золотистые салоны «ТУ-114» словно забрали с собой тепло земли. За постоянной, ровной температурой в салонах внима-

тельно следит старший инженер Владимир Иванович Гальчук.

Кубинцы, которые сначала кутались в принесенные нами пледы — мы вылетали из Москвы при 25 градусах мороза, — сейчас знакомятся, рассказывают, спрашивают, и их оживленная, сопровождаемая выразительной жестикоупицей речь словно приближает нас к Кубе.

Юная кубинка-мать, навещавшая мужа, который учится в Московском университете, кормит свою трехмесячную дочку. Малышка великолепно переносит полет. Пятилетние близнецы-кубинцы более экспансивно выражают свою радость по поводу путешествия и с воинственными криками носятся по самолету.

Матери этих детей — первые кубинские женщины, с которыми мы познакомились. Позже на улицах, пляжах и в пригородах Гаваны мы встречались со многими кубинками и всякий раз убеждались, что первое впечатление было правильным: кубинских женщин отличает яркая, никого не оставляющая равнодушным красота, горделивая осанка, подтянутость.

Но я забегаю вперед. Пока что под нами лишь снежная пена облаков, иногда в разрывах их видна необозримая водная гладь. Мы проходим над водами Баренцова, Норвежского, Гренландского морей и северной части Атлантического океана.

Метеостанции, расположенные на побережье Исландии, Гренландии, Канады и Восточной Америки, не считают нужным сообщать нам метеоусловия района, где пролегает трасса: ведь мы летим над международной территорией, и о нас никто не обязан заботиться! Но ни на минуту наши радисты не прерывают связи с Центральной диспетчерской службой Аэрофлота в Москве. Голос Родины мы будем слышать на протяжении всех 10 900 километров пути, пока самолет не пойдет на посадку в Гаване.

На линиях Аэрофлота привыкаешь к тому, что земля заботливо сопровождает нас системой ориентиров и радиосредств. Здесь, где мы летим, нет ни одного ориентира. Старший штурман Николай Филиппович Носов ведет самолет по звездам и солнцу. Носов мастерски проводит крылатую машину через 120 меридианов и 49 параллелей земного шара, и спустя 14 часов после вылета из Внукова мы видим очертания острова Куба.

Летят с нами кубинские министры, общественные деятели, как студенты, и студенты, красноречивые, как министры. Один из студентов Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы прочувственно обращается к бортпроводницам и советским специалистам, которые будут работать в Гаване: «Компаньерос! Я спрашиваю вас: разве есть нормальный человек, которому может не понравиться Гавана? Я вас уверяю, что такого человека нет».

Юноша оказался прав: Гавана не понравиться не может. До сих пор вижу картину, которая предстала перед нами. Эта картина словно была соткана из света, воздуха, изумрудной зелени, яркой мозаики домов, пламени флагов, которыми встретил нас аэродром имени Хосе Марти.

Гавана — светлый, залитый солнцем город. Высокие здания здесь не подавляют, как в Нью-Йорке. Они кажутся

очень легкими, стройными, стремящимися ввысь. Океанская волна приносит в город освежающий ветерок, который вместе с щедрой зеленью смягчает жару.

Вспоминаю наше возвращение с экскурсии в Гоамо (курортное место в 200 километрах от Гаваны). В Гавану нас вез автобус. Это был вполне комфортабельный автобус, но «вздохи» на поворотах говорили о прожитых годах. Наконец он последний раз сокрушительно «вздохнул» и окончательно остановился. Нужна была помощь.

Помощь не заставила себя долго ждать. Из всех окрестных домов выбегали люди — мужчины, женщины, дети. Одни помогали чинить машину, другие несли ведра с фруктовым соком, угощали нас дымящимся кофе, сочными плодами. Появилась даже гитара, и под неповторимо синим кубинским небом зазвучала родная мелодия «Подмосковных вечеров».

Маленькому смуглому мальчишке, который самозабвенно помогал чинить машину, я подарила значок с портретом Ленина. Мальчишка радостно бежал за автобусом, и на живом лице его была написана отчаянная готовность к любым подвигам во имя новых друзей. «Собетикос амигос!»¹ — слышали мы его возглас.

Теперь мы уже знаем: значков с портретами Владимира Ильича нужно брать как можно больше, когда улетаешь на Кубу. Протяни этот значок кубинцу — и он станет тебе таким же преданным другом, как тот мальчишка.

Нас специально возили осматривать новые кварталы Гаваны, названные в честь московских Черемушек. Бело-снежные дома окаймлены красными, синими, золотыми тонами. Дома слегка приподняты над землей, под ними находятся гаражи, откуда стремительно выезжают машины, среди которых все больше и больше становится советских. Недавно разбитые сады и парки шумят в Черемушках, в каждом квартале есть детские сады, магазины, школы — строительство в Гаване ведется микрорайонами.

В центре Гаваны, на площади Революции, стоит памятник великому кубинскому революционеру Хосе Марти. На скоростном лифте мы поднялись на вершину памятника и отсюда, со 137-метровой высоты, любовались живописным видом. Мы прощались с Гаваной. Завтра ранним утром на борт «ТУ-114» поднимутся новые пассажиры — это члены советской делегации, побывавшие на Кубе в связи с празднованием годовщины кубинской революции. Среди членов делегации восторженно встреченный кубинцами космонавт Павел Попович.

...Командир «ТУ-114» Александр Константинович Витковский берется за штурвал, и самолет отруливает от аэровокзала, на фронтоне которого начертано великолепное слово «Венсеремос» («Мы победим»).

Ну что же, в Аэрофлоте появился новый регулярный рейс «047—048» Москва—Гавана—Москва, и потому мы не прощаемся с кубинскими друзьями навсегда, а говорим им: «Аста лависта!» — «До встречи!».

¹ Советские друзья (исп.).

НОЧНОЕ ДЕЖУРСТВО.

Галина Коновалова (слева) и Софья Бабаева, медицинские сестры московской больницы № 67.

Фото С. Онуфриюка.

МАРИЯ ВОЛКОНСКАЯ

гими декабристами был отправлен в Сибирь.

Тайно от родных Мария Николаевна обратилась к царю с ходатайством о разрешении следовать за мужем. Вскоре пришел ответ. Царь разрешил, предупреждая Волконскую, что, уезжая, она лишается всех прав, состояния и никогда уже не сможет вернуться в столицу.

...По пути в Сибирь Волконская остановилась в Москве у своей невестки, княгини Зинаиды Волконской. На прощальный вечер, который устроила в ее честь княгиня, приехал и Пушкин, прочитавший свое послание в Сибирь. А спустя несколько лет в посвящении к поэме «Полтава» он снова вспомнил о Марии Волконской:

Тебе — но голос музы
темной
Коснется ль уха твоего?
Поймешь ли ты душою
скромной
Стремленье сердца моего?
Иль посвящение поэта,
Как некогда его любовь,
Перед тобою без ответа
Пройдет, непризнанное
вновь...

Почти тридцать лет прожила Волконская вместе с мужем на каторге и в ссылке. Об этих годах она написала воспоминания.

«Записки М. И. Волконской» отразили историю декабристской каторги в Забайкалье. В мемуарах независимо от воли автора ярко обрисован гражданский подвиг выдающейся русской женщины.

Волконская, безусловно, владела даром повествования. Правдиво и просто описывает она тяжелый тюремно-каторжный режим. Неко-

Перед нами два портрета Марии Николаевны Волконской — одной из одиннадцати женщин, последовавших после восстания 14 декабря 1825 года за своими мужьями-декабристами на каторгу и в ссылку. Первый из них принадлежит известному мастеру миниатюрного портрета П. Ф. Соколову, второй создан ссыльным декабристом Бестужевым в Сибири.

...Мария Николаевна Волконская, дочь прославленного героя 1812 года генерала Н. Н. Раевского, в свое время поразила воображение юного Пушкина. Это ей посвящены строки в «Онегине»:

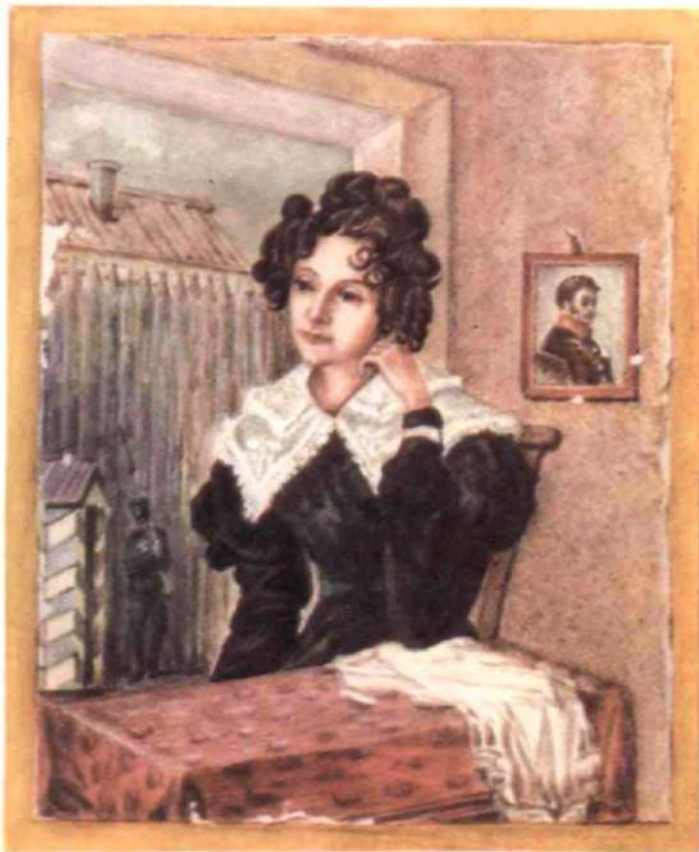
Я помню море
пред грозюю:
Как я завидовал волнам,
бегищим бурной чередою,
с любовью лечь к ее
ногам!...

Марии Раевской было девятнадцать лет, когда она встретила с тридцатише-

стлетним блестящим генералом С. Г. Волконским.

«Я вышла замуж, — вспоминала она потом, — в 1825 году за князя С. Г. Волконского, достойнейшего и благороднейшего из людей: мои родители думали, что обеспечили мне блестящую, по светским воззрениям, будущность. Мне было грустно с ними расставаться: словно сивозь подвечный вуаль, мне смутно виделась ожидавшая нас судьба...»

Молодая женщина не знала о событиях, происшедших 14 декабря 1825 года на Сенатской площади Петербурга. В ожидании ребенка она жила в деревне. Сын родился 2 января 1826 года, а 5 января Волконский приехал в деревню, повидался с женой и ребенком и тотчас уехал в армию. Через два дня его арестовали. В июле 1826 года, приговоренный и двадцати годам каторги и пожизненной ссылке, Волконский вместе с семьей дру-

торые сцены «Записок» оставляют очень сильное впечатление. Например, рассказ о первом свидании с мужем на каторге.

«В первую минуту я ничего не видела — так там было темно; открыли маленькую дверцу налево, и я подиялась в отделение мужа. Сергей бросился ко мне; лязг его цепей поразил меня. Я не знала, что он был закован в кандалы. Подобное суровое наказание дало мне понять о всей силе его страданий. Вид его кандалов так взволновал и растрогал меня, что я бросилась перед ним на колени и поцеловала сначала его кандалы, а потом и его самого...»

В письме к родным Волконская писала:

«...Когда я припоминаю прошлое, мне кажется, что до Благодатска вовсе не жила, потому что только здесь я научилась понимать всю ценность жизни... Умоляю вас писать мне о моем сыне. Для меня будущего больше нет, и все мои пожелания — только о нем...»

Волконская умоляла писать ей о сыне... Между тем оставшийся в Петербурге, у бабушки, мальчик 17 января 1828 года скончался.

Один из других Волконских постигли еще два удара: умер отец и скончалась маленькая, родившаяся в Сибири, дочь Софья.

В эти тяжкие годы Мария Николаевна не находила поддержки в семье. Мать и братья писали редко: они не могли простить ей отъезда. Лишь отец до последнего часа сохранил любовь к дочери.

Детям, которых у нее было двое, и заботам о товарищах мужа по каторге она посвящает всю жизнь.

И. И. Благовещенский, живший на поселении в Петровском заводе, писал о Волконской через четверть вена после освобождения декабристов:

«Эта женщина должна быть бессмертной в русской истории. В избу, где мокро, темно, сыро, ледет, бывало, эта аристократка. И зачем? Да посетить больного... Сама исполняет роль фельдшера, приносит больному здоровую пищу и, разувшись о состоянии болезни, идет в каземат к доктору Вольфу, чтобы он составил лекарство...»

Лишь в 1856 году, после смерти Николая I, Волконские получили наконец разрешение вернуться в Россию вместе с остальными оставшимися в живых декабристами и женами.

Е. И. Трубецкая, А. Г. Муравьева и К. П. Ивашева не вернулись: погибли в Сибири.

К этому времени силы Марии Николаевны были подорваны. Она тяжело заболела и 10 августа 1863 года в возрасте 58 лет скончалась.

Образ Марии Волконской, чьим гражданским подвигом мы восхищаемся доныне, занимает воображение замечательных русских художников, поэтов, писателей. Ей посвятил свои строки Пушкин, о ней и ее подругах написана поэма Некрасова «Русские женщины», о жанах декабристов писал в своем дневнике Достоевский: «Они бросили все, знатность, богатство, связи и родных, всем пожертвовали для высочайшего нравственного долга, самого свободно-го долга, какой только может быть».

Е. Ф. Никитина в одной из комнат музея.

Фото Н. Маторина.

РОЖДЕНИЕ МУЗЕЯ

Недавно в Москве открылся новый музей — филиал Государственного литературного музея. История его рождения тесно связана с именем Евдокии Федоровны Никитиной. Преподаватель Московского университета, литературовед и писательница Е. Ф. Никитина в течение пятидесяти лет собирала и хранила коллекцию, которую ныне передала в дар государству. Она встретила нас на пороге своей квартиры — теперь музея, хранителем которого она назначена.

В небольшой передней тесновато: только что привезли новые стеллажи. Идем за хозяйкой в комнаты. Никитина рассказывает охотно, неторопливо, с подробностями. Лицо ее подвижно, энергично. Жесты решительны и точны.

В ее рассказе оживает старая, дореволюционная Москва... Бедный и веселый район студенческой «Козихи»... Скромная тесная комнатка студентки университета Никитиной, где собирались поговорить о литературе ее друзья. Послушать доклады студентов заходили иногда и профессора. Позже, в то время Никитина уже была преподавателем, к ним присоединились писатели, поэты, художники.

Так возник кружок, которому суждено было впоследствии стать известным литературным обществом под названием «Никитинские субботники». Общество существовало с 1914 по 1933 год, и все это время Е. Ф. Никитина была его бессменным председателем.

Нашу беседу время от времени прерывает нежная, чуть звенящая мелодия. Оказывается, это поют черные с золотом настольные часы.

— Из имения «Полотняный завод» Гончаровых, — поясняет Никитина.

Вот оно, первое «чудо» музея! Ведь звон этих часов слышала в прошлом веке невеста А. С. Пушкина Наталья Гончарова!..

А вот и сам Пушкин. Непривычно сурово, почти трагически смотрят его глаза с уникального портрета работы Врубеля, написанного в 1909 году.

В музее собрано 160 тысяч архивных документов, 21 тысяча биографий писателей, чаще всего ими самими написанных, письма М. Горь-

кого, более двухсот парикатур молодых Кукрыниных, посмертные (самые первые) маски Сергея Есенина, Владимира Маяковского, редкие издания книг, фотографии, рукописи, силуэты, автографы...

В первой комнате висит картина художника К. Ф. Юона. Она изображает одно из заседаний литературного общества «Никитинские субботники». Много знакомых лиц: нарком просвещения А. В. Луначарский, писатели и поэты: Леонид Леонов, В. В. Вересаев, А. С. Новиков-Прибой, Всеволод Иванов, Лидия Сейфуллина, Виктор Ардов, А. Арго; видные литературоведы: академик П. С. Савулин, профессор Ю. М. Соколов, Н. Л. Бродский, Л. П. Гроссман; художники Кукрынины — М. Куприянов, П. Крылов, Н. Соколов; старейшая русская революционерка Вера Фигнер и, конечно, сама хозяйка дома Е. Ф. Никитина.

— В тот запечатленный художником вечер, — вспоминает Евдокия Федоровна, — Анатолий Васильевич Луначарский впервые читал свою историческую драму «Оливер Кромвель».

На «субботниках» и маститые деятели искусств и начинающие писатели читали свои произведения, подвергавшиеся потом строгому и беспристрастному разбору. Бывали на этих вечерах и музыканты, и певцы, и антрепренеры. Читал свои стихи тогда уже известный актер Василий Иванович Качалов. Стихи были не очень хороши, зато исполнение прекрасно. Художники К. Юон, В. Журавлев, Е. Лансере, П. Радимов — каждый в своей манере, кто на холсте, кто на листе бумаги — делали наброски будущих портретов с натуры, которые обычно и заканчивали в этой гостиной.

Евдокия Федоровна, пользуясь правами председателя, оставала и хранила у себя работы, выносившиеся на обсуждение общества. Автору обычно вручали копию, а подлинник оставался у гостеприимной хозяйки. Никто не возражал против заведенного порядка, ибо любовь и бережное отношение Никитиной и памятник культуры были общеизвестны.

Так появилось здесь стихотворение С. Есенина, написанное его рукой; те-

перь эти стихи можно увидеть в музее в одной рамке с неопубликованной фотографией поэта.

Так появились и страницы, исписанные рукой А. Блока, рукописи Леонида Леонова, Вл. Гиляровского, А. Новикова-Прибола.

Е. Ф. Никитина сумела сохранить также рукописи всех одиннадцати книг Артема Веселого и других писателей и поэтов, репрессированных в годы культа личности Сталина.

В музее можно познакомиться с книгами, изданными для «Никитинских субботников» различными издателями. Среди трехсот названий книг, изданных таким образом, произведения почетных членов общества А. М. Горького и А. В. Луначарского. Хранит Никитина и печатный орган общества — альманах «Свиток».

И последнее, о чем хочется рассказать. Передо мной книга. Богатый переплет с тиснением: «Шиповник. Литературно-художественный альманах». Листаю. Что такое?.. Рассказы о революционной борьбе, о расправе царских жандармов. Возвращаюсь к обложке. На ней автограф, на который обратила внимание: «Е. Ф. Никитиной в знак благодарности и дружбы передаю этот образец «Книгомашинов». С. Копельман».

Известному издателю-революционеру С. Копельману (отцу писателя Ю. Крымова) с трудом, по отдельным листам, удалось собрать этот единственный экземпляр конфискованного и уничтоженного в 1907 году полицией историко-революционного альманаха.

...Уже не в первый раз часы из имени Гончаровых своей звенящей мелодией напоминают, что пора уходить. Ведь у Евдокии Федоровны много забот: не так еще, как хочется, идет работа в музее да и к лекции в Доме ученых надо подготовиться, а главное, закончить свой новый труд — книгу о лауреатах международных премий мира.

Уходя из музея, унося вместе с массой впечатлений и благодарности к человеку, сумевшему сохранить столько дорогих реликвий родного искусства.

КРЕЩАЕТСЯ РАБ БОЖИЙ...

Отошла обедня. Начали расходиться верующие. Монашка в черном платочке притащила в угол притвора купель. Вторая опрокинула в нее два ведра чуть подогретой воды и придвинула сюда же аналой.

Несколько женщин сгрудились рядом.

— Распакуйте младенцев! — указала монашка на скамейки вдоль стены. — Скоро отец Игнат выйдет. Да по пять свечек-то купили?

— А куда же, милая, по пять-то? — робко осведомилась одна из женщин. — У купели свечки уже есть. Одной, поди, хватит? Не в одиночку же крестим-то!

— Поговори у меня... А храм ремонтировать надо? Персонал оплачивать надо? Делай по закону, как установлено.

— Так ведь на храм-то по два с полтиной взяли, — заикнулась было та же женщина.

— То не на храм, то батюшкам. Причту, значит. А храм со свечей живет. Да что и лясы-то точить. Не хочешь — не крести. Только потом не вой, ежели нехристом дите твое помрет или крикуном болящим заделается. Спать не будет и вам не даст...

Женщину передернуло, и она положила ребенка на лавку и молча попросив соседку приглядеть за ним, метнулась к свечной кассе.

В облачении, но с засученными рукавами, с крестом, евангелием, требником и крестильным ящиком подошел дежурный по тремам священник.

Женщины с младенцами на руках — их было человек семнадцать — выстроились вокруг купели и аналоя. У одной было два ребенка: один на руках и девочка лет четырех-пяти рядом; полураздетая, в накинутом на голое тело пальтишке, она была явно испугана и тарачила глазенки на странного бородатого человека в парчово-золотом мешке фунтиком, сквозь дырку в котором была просунута голова, увенчанная чем-то вроде лиловой тумбы.

Началось крещение.

Отец Игнатий нарек младенцам уже давно присвоенные им имена. С одним, правда, вышел конфуз. Женщина стыдливо произнесла имя Майя. Священник заметил:

— Нет Майи в святцах! Марией будем крестить.

— А я ее Майечкой звать начала.

— Зови хоть кошкой Муркой, а для бога она раба божия Марья... Следующий!

Затем священник начал так называемое «оглашение»...

Древние люди, не понимая явлений природы, считали, что в мире есть добрые и злые силы — духи, и пытались от них ограждаться всякими колдовскими обрядами и заклинаниями. Злых духов

представляли себе наивно, почти материальными существами. Думали, что они могут попадать в человека через отверстия в организме. У нас до сего дня некоторые старые люди, когда зевают, крестят рот. Это и есть колдовской знак-печатать: чтобы в это время злой дух (бес, черт) не влез в человека. У некоторых народов была распространена вера, что бесы могут влезать и в покойника, и понине кое-где покойникам особым, освященным воском «запечатывают» ноздри, уши, рот.

И вот все это дикарское колдовство продлевается над нашими советскими детьми!

Что может быть чище младенца! А священник читает: «...отстави от него святую оную прелесть...» Выходит, младенец, и говорить-то не научившийся, уже полон грязи и нечистоты; мало того, в нем сидит сам черт. Ведь в молитвах так и читается: «Запрещает тебе господь, диаволе... отъиди в свой тартар... отступи от новозапеченного... изыди от человека да не к тому внидши в него».

Сидел черт, значит, в чистом вашем сыночке, мать, если его выгоняют. Кто же он, ваш младенец, тогда: самое дорогое для вас, чистое существо, которому суждено, может быть, новые миры во вселенной узреть, или дьявольский сосуд всякой мерзости и нечистоты?

А батюшка уже переходит к другому дикарскому виду колдовства и магии — к «магии по сходству»: дуя младенцу в рот, на лоб, на грудь, «выдувает» из него, как колдун какого-нибудь племени ньям-ньяма, этого самого беса и еще приговаривает: «Изжени (то

есть изгони) из него всякого лукавого и нечистого духа, сокрытого и гнездящегося в сердце его...»

Священник перечисляет все виды мерзости, которыми якобы с сатаной на пару начинен младенец: «Духа прелести, духа лукавства, духа идолослужения и всякого лихоимства, духа лжи и всякие нечистоты...»

И как не больно за оклеветанного ребенка матери!

А «пастырю божью» мало и этого. Он ставит крестных лицом на запад и заставляет их от имени того же чистого младенца отречься от сатаны (как будто ребенок был с ним в сговоре!!!), дуть на него, приобщаясь к тому же колдовству, плевать на него.

Почему лицом на запад? В древности люди, не зная, что Земля шарообразна, наблюдая закат солнца на западе, полагали, что там темное царство, где ночь и ее страхи.

Священник же переходит собственно к «таинству крещения».

Любое «таинство» есть разновидность колдовства. Что такое «таинство»? По учению церкви, это такой священный обряд, когда через видимое действие человека передается сходственная «таинственная сила», невидимая «благодать»... Но это же формула любого колдовства! Колдун лил воду в засуху, чтобы «по сходству» вызвать дождь; жены дикарей, когда мужья выходили на рыбную ловлю, не стригли волос и ногтей и не мазались маслом, чтобы не секлись сети и не была скользкой рыба.

А в крещении ребенка омывают водой, чтобы омыть «душу» от «духовной нечистоты». И еще раз хочет уверить церковь, что человек, и дитя в частности, нечист от самого рождения, по самой своей природе... Какая злая, унижительная клевета!

Перед погружением священник мазет части тела ребенка маслом, чтобы по той же колдовской «магии по сходству», как липнет масло к телу, прилипла бы к ребенку и «сила», даруемая в «таинстве».

Сразу после крещения младенца мажут другим маслом — миром, и этим совершается второе «таинство» — миропомазание. И здесь, по той же колдовской магии, через приставшее к ребенку масло к нему должна пристать и «благодать», которая-де поможет ребенку вырасти порядочным человеком.

Но тысячи и десятки тысяч детей, крещеных и некрещеных, вырастают здоровыми или больными, послушными или непослушными, хорошими людьми или подлецами, и никто никак не различит среди них помазанного или непомазанного. Все будет зависеть от ухода за ребенком, от воспитания, воздействия окружающих, от способностей и физической крепости и т. д. И, пожалуй, единственное «наследство» «таинства

Александр ОСИПОВ,
бывший профессор богословия
Ленинградской духовной академии

миропомазания» в мире — это старинная поговорка: «Ах ты, такой-сякой, намазанный». Да и она следствие не самого «тайинства», а того, как церковь травлила людей одного вероисповедания, скажем, православных («мазаных»), на представителей другого, скажем, магометан («немазаных»).

А колдовские манипуляции «пастыря божия»?

Младенцу надевают крест — амулет-ладанку, остаток фетишизма — веры в особую силу, которой якобы облада-

ют некоторые предметы. Когда-то амулеты-фетиши, и в том числе крестовидные, носили пещерные люди...

Младенцу надевают белые ризы, что бы, «по магии сходства», он рос чистым. Шесть тысяч лет назад такие же белые ризы надевали при посвящении жрецов бога солнца Амона — Ра в Древнем Египте.

С младенцем ходят вокруг купели, по понятиям все той же «магии по сходству», для того, чтобы он благополучно прошел по жизни. Такие же магические уподобительные действия совершали дикари-охотники много тысяч лет назад. Разыгрывали сцены охоты, чтобы была удача, сцены сражений, чтобы победить врага в бою, и т. д. и т. п. А хождение по кругу практиковалось еще колдунами Вавилона за 4 тысячи лет до нашей эры.

Ребенку стригут («постригают») волосы и, закатав их в воск, бросают в купель... Здесь двойное колдовство: постриг — знак рабства, покорности богу (так в рабовладельческих государствах особо стригли рабов), а воск, в купель брошенный, — гадание: утонет — умрет. Но это — явное жульничество против «судьбы» и против «богов»: ведь воск-то не тонет...

И вот после всего этого дитя объявляется крещеным, и по тексту «Увещания от иерея к восприемнику по святом крещении», стоящему в «Большом тремнике», «бысть из сына тьмы сын света»...

И вы согласны с тем, что родили «сына тьмы», матери? И вы готовы после этого с благодарностью целовать руку священнику?

Но не только невежеством и колдовством, унижением достоинства человеческого выглядят крещение и миропомазание детей в наши дни. Они приносят и прямой, явный вред.

Они приносят вред, когда множество детей, не всегда одинаково здоровых, погружают в одну купель, в одну воду; мажут одной и той же никогда не моемой кистью, одним и тем же маслом; обтирают после этого одной и той же губкой.

Они приносят вред, когда ребят на церковных сквозняках, где духоту и спертость пронизывают холодные потоки, врывающиеся из дверей и форточек, раздевают и, распаренных, потных, сначала держат возле купели, а потом окунают в воду.

Помню годы войны в Перми. Был я тогда священником в Новокладбищенской церкви. Иной раз крестили по 300 ребят в день. И все в одной воде.

Я возмутился и потребовал, чтобы воду меняли хотя бы после каждого десятка крещеных. Монашки, которые помогали, тоже возмутились: «Ишь, интеллигентик выискался! Благодать, она такая — верь только, очищает все», — и... пожаловались архиерею. Я получил выговор. Правда, архиерей, очевидно, во избежание неприятностей, требования моего не отменил.

А то раз крестил я там же, в Перми, на дому. Пришел. Стою у стола, раскладывая принадлежности крещения. За спиной у меня ванна вместо купели приготовлена. Слышу, воду льют. И шорох какой-то. Посмотрел — мать честная! Девушка с коромысел ведро сняла и льет воду с ледышками, оттого и шорох, что их видимо-невидимо.

Я говорю ей:

— Выловите лед-то. А то когда будете доливать горячей воды, она все равно сразу остынет.

И вдруг слышу:

— Это что же ты, батя, благодати не веришь? Бог дал дите, он и воду согрет. Никакой теплой воды. Во льду крестить будешь. А умрет ребенок — воля господня. Значит, по грехам нашим.

Обернулся я на голос. Старик. Смотрит на меня ненавидящими глазами фанатика и рот ощерил от злости.

Я отказался крестить и ушел. И заработал второе замечание от архиерея.

— Я, — говорил он мне, — понимаю вас. И сам за то, чтобы воду греть. Но раз люди идут на риск... Не священнику в них веру подрывать. Их ребенок. Своим рискуют. А может быть, во веру их и дастся им чудо...

Чудес я не видел! А о ребятах, не только умиравших после «тайинства» от воспаления легких, но даже и об утопленных — в одном случае пьяным попом, в другом — дряхлым и больным священником — знаю доподлинно. И всей «благодати тайинства», всей «всемогущей и чудотворящей силы духа святого» не хватило, чтобы предотвратить эти несчастья и преступления.

Как много хорошего делается в нашей стране для детей, матерей, для будущего каждой семьи и всего народа в целом! И неужели же надо, неужели допустимо пятнать все это большое и светлое мрачными тенями и пережитками, колдовством и магией, чертовщиной и убожеством невежества древних лет?!

Мы не на Луне, на Земле живем. Среди людей. Верующих и неверующих. Разве крещеный подлец лучше некрещеного? А добро некрещеного разве становится меньшим добром от того, что делающего добро не окунали в купели?

Посмотрим и шире, дальше.

И Гитлер был крещеным человеком.

И Муссолини. Остановило их это на пути к человекоубийствам, жестокости, разрушениям?

А не наши ли, в большинстве своем некрещеные, солдаты сломали хребет фашистскому зверю? Не они ли спасли мир для мира, жизни и созидания?

Я обращаюсь к тем женщинам, которые еще верят в бога, в попов, в бессмысленные и вредные обряды. Подумайте! Ведь у вас и еще будут дети... Понесете ли вы их к колдовской купели суеверного «тайинства»? Отдадите ли вы их глаумлению древней тьмы?..

Подумайте!..

Рисунки В. Житникова.

БЕРЕГИТЕ НЕРВЫ!

А. АЛЕКСЕЕВ,
врач-психиатр

После работы.

Фото Н. Маторина.

— Нервы у меня — просто ужас!
— И у меня что-то пошаливают...
— А возьмите Ивана Ивановича.
Они у него какие-то железные...

Подобные разговоры можно услышать нередко. Что же такое нервы?

Нервную систему можно представить в виде сложного аппарата, где есть высшая центральная станция — головной мозг и многочисленные провода — нервы. Пронизывая все органы, они связывают мозг с каждой клеточкой нашего тела. Однако это лишь схема внешнего устройства нашей нервной системы. А главное, что надо знать о ней, заключается в деятельности головного мозга.

Личность человека — и это важно подчеркнуть — во многом определяется организацией его центральной нервной системы, характером ее деятельности.

Из чего же складывается деятельность головного мозга? Как печь, в которую не подбрасывают дров, постепенно затухает, так и наш мозг, если не держать его в здоровом, целесообразном возбуждении, тоже выключается из работы. Какие же факторы поддерживают активное состояние головного мозга? Их можно разбить на две группы. В первую входят сигналы из внешнего мира, которые поступают в мозг через органы чувств — обоняние, зрение, слух, вкус, осязание; вторую группу составляют раздражения, поступающие в мозг от разных частей нашего тела — сердца, легких, желудка, печени, костей.

Если выключить все органы чувств — закрыть, например, глаза, заткнуть ватой ноздри и уши, а язык и кожу смазать раствором, уничтожающим чувствительность, и прервать таким образом все контакты между организмом и окружающей средой, то наступит состояние полной прострации, напоминающее сон.

Раздражения, поступающие в мозг из внешней среды, играют важную роль в нашей жизнедеятельности, в наших поступках и чувствах. Чем богаче у человека контакты с окружающим миром, тем активнее и содержательнее его жизнь. А тот, кто ограничивается

узким кругом мелких, личных потребностей, тот обедняет себя.

Нам кажется, будто мысли и чувства возникают у нас в мозгу сами по себе. На самом же деле на него воздействуют различные раздражители. Но мозг не просто воспринимает поток сигналов из внешнего мира и от внутренних органов. Он активно преобразует их. Характер же этого преобразования во многом зависит от того, как человек относится к тому или иному событию.

Представим себе такую картину: увидела мать, что ее дочь-старшеклассница перед уходом в школу старательно разглаживает платье, и хвалит ее: «Молодец, доченька, всегда будь такой аккуратной». А застав ее за этим же занятием вечером, начинает ворчать: «Опять на свидание собираешься? Нет, чтобы посидеть дома».

Значит, одно и то же явление может одним и тем же человеком оцениваться совершенно по-разному. И окончательная оценка того или иного факта зависит не только от сигналов, поступающих в мозг, но и от «почвы», на которую они падают. «Почва» же эта формируется всем предыдущим жизненным опытом.

Огромную роль в нашей жизни играют чувства. Ибо человеческий мозг устроен так, что большинство сигналов, поступающих в него, приобретает какой-нибудь эмоциональный оттенок. Это может быть радость, печаль, тревога, боль, страх, восторг и т. д. Все это многообразие чувств можно разбить на две основные группы: приятные и неприятные. Первые из них полезны для организма, вторые — вредны.

Самые большие радости человек способен испытать в процессе труда. И труд писателя, музыканта, ученого и труд рабочего, колхозника может в равной степени быть творческим, вдохновенным. Это происходит в тех случаях, когда человек сознает важность своего труда, любит его, стремится внести в него что-то новое.

Труд, дающий радость, — лучшая основа, укрепляющая нервную систему. И нет ничего хуже, как заниматься де-

лом, оставаясь равнодушным к нему. Лечебная практика показывает, что такие ситуации довольно часто становятся причиной развития нервных расстройств. Однако это не значит, что правы те любители легкой жизни, которые чуть ли не каждый месяц меняют работу, а то и вовсе бездельничают, оправдывая свое поведение тем, что якобы не могут найти занятий «по душе». Дело здесь вовсе не в том, что они «страдают от несоответствия» между личными стремлениями и предлагаемыми им условиями труда, а в их лени, в нежелании по-настоящему взяться за работу.

Ведь известно, что когда человек, опираясь на волю, начинает старательно вникать в сущность трудового процесса, он ото дня ко дню овладевает новой профессией и постепенно увлекается ею, хотя вначале относился к ней довольно равнодушно. А полюбив свое дело, обретает надежный источник хорошего настроения, которое, как известно, способствует укреплению нервной системы.

Вот почему даже очень напряженная, связанная с волнениями, с большой затратой душевных сил, но любимая работа, как правило, не приводит к каким-либо нервным нарушениям. Всем, наверное, известно, что водолазы, геологи, разведчики, пилоты и люди других трудных, опасных профессий обычно обладают крепкой нервной системой.

Разумеется, не только труд является источником приятных и неприятных переживаний. Их приносят и многие другие факторы, составляющие нашу жизнь. Но прежде чем говорить об этом, давайте уточним сами понятия «приятное» и «неприятное». Допустим, вы нашли деньги, и вам это приятно. Но такое рассуждение неверно: деньги эти кто-то потерял, и для настоящего гражданина не может быть радостью то, что причинило горе другому. Иное дело, если вы получили премию за хорошую работу. Но еще больше, полнее будет ваша радость, если награды удостоились и товарищи, работающие вместе с вами.

Отсюда неизбежный вывод: удовлет-

воря свои нужды, помните об окружающих людях. Предвижу вопрос: как быть в тех случаях, когда один сосед говорит, что надо делать так, а другой возражает? Как выяснить, кто прав?

Для разрешения любых конфликтов есть один очень справедливый судья. Имя ему — польза коллективу.

Возьмем хотя бы такой пример. Все четыре горелки на газовой плите заняты, и никто не хочет уступить место соседке, которой нужно срочно вскипятить воду. Есть повод для конфликта? Несомненно, есть! Но его можно избежать, если у жильцов хватит здравого смысла рассмотреть свое поведение с точки зрения пользы для всех обитателей квартиры. А польза будет заключаться в соблюдении добрых отношений. Значит, необходимо уступить горелку человеку, которому в данный момент необходима горячая вода. В другой раз он сам пойдет вам на уступку. И в результате будет сохранена атмосфера взаимной доброжелательности, которая так необходима для нервной системы.

К сожалению, далеко не все поступают так. Повседневная жизнь то и дело создает различные шероховатости в отношениях. Что же это за шероховатости? Как правило, самые что ни на есть мелочи. Слишком часто приходится видеть, как из пустяков разгораются длительные, изнуряющие нервную систему недоразумения. Еще встречаются подражатели известным персонажам Гоголя — Ивану Ивановичу и Ивану Никифоровичу, затеявшим ссору на всю жизнь из-за одного неосторожного слова.

Не думая о том, что причиняем вред своей и чужой нервной системе, мы слишком легко раздражаемся, даем слово и не держим его, опаздываем, заставляем ждать другого, ждем сами, нарушаем установленный порядок, перегружаем память, недосыпаем, не соблюдаем режим дня, пьем и едим не так, как полагается, торопимся, делаем друг другу больно и т. д. В результате изо дня в день в наш мозг поступают раздражения, окрашенные неприятными чувствами, что очень истощает нервную систему.

Каков же физиологический механизм такого состояния? Работы академика И. П. Павлова и его многочисленных учеников показали, что все многообразие жизни нашего организма определяется в первую очередь соотношением в центральной нервной системе двух процессов — возбуждения и торможения. Если оба процесса сильны, подвижны и сбалансированы, хорошее состояние нервов обеспечено. Но под действием различных травмирующих обстоятельств, хронического переутомления, болезней тормозной процесс ослабевает и уже не может уравновешивать процесс возбуждения.

А надо знать, что в основе таких элементов нашего поведения, как выдержка, способность трезво рассуждать, лежит сила тормозного процесса. Когда же он слабеет, на первый план выступает деятельность возбуждающего процесса, потерявшего свои «тормоза», и человек становится несдержанным, раздражительным. А это приводит к тому, что даже вполне благополучный сигнал из внешнего мира

воспринимается им как что-то неприятное. Отсюда и озлобленная реакция, которая, в свою очередь, вызывает ответное недовольство со стороны окружающих. Так образуется заколдованный круг, в котором потом очень трудно установить, кто прав, кто виноват.

Не надо, однако, думать, что резкая раздражительность — обязательное, роковое последствие тех или иных травмирующих обстоятельств. Ведь немало зависит от самого человека, от его выдержки, умения держать себя в руках. Те люди, которые научились владеть собой и могут сохранять спокойствие даже в трудных и неприятных ситуациях, помогают этим самым беречь силу и здоровье своей нервной системе. Но очень важно и в быту и на производстве каждый день бороться за такие взаимоотношения, которые не могли бы стать причиной будущих недоразумений, «трепки нервов», как принято говорить.

Конечно, жизнь без конфликтов, без борьбы мнений невозможна. Она замерла бы. Но конфликты конфликтам рознь. Нужно всячески предупреждать такие из них, которые возникают из мелких дряг, и со всей страстью идти на конфликт с кем угодно во имя справедливости. Бояться при этом за здоровье не надо, ибо уверенность в своей правоте дает людям огромную силу для преодоления трудностей, закаляет их нервную систему.

Есть еще один источник переживаний, играющий огромную роль в жизни каждого из нас, — любовь. Сколько уже было о ней сказано! Сколько радостей и мук приносит это необыкновенное чувство! А вот о значении любви для здоровья нервной системы знают еще очень мало. Между тем здесь существует несомненная и весьма тесная связь.

Известно, что любое сильное чувство имеет в головном мозгу свое физиоло-

гическое основание — очаг максимального возбуждения. Раз возникнув, этот очаг становится как бы магнитом, который притягивает к себе все остальные сигналы, поступающие в мозг, усиливается за их счет и разгорается, подобно пламени ночного костра, когда в него со всех сторон начинают подбрасывать сухие ветки. А ведь насколько виднее становится вокруг, насколько теплее и радостней делается на душе, когда горит яркий огонь!

Так и у любящего человека жар возникшего чувства позволяет ему по-новому, более широко и оптимистично смотреть на окружающий мир. А это значит, что подавляющее большинство сигналов, входящих в мозг, будет приобретать положительный, приятный, а следовательно, полезный для нервной системы характер. В результате появятся свежие, ранее неведомые силы и все возможности — физические и умственные — заметно возрастут.

Благодаря любви человек чувствует себя полным энергии. Любящий легче, чем другие, переносит разные невзгоды, не падает духом перед трудностями, ибо в мозгу горит мощный очаг возбуждения, способный мобилизовать глубоко скрытые резервы организма.

Конечно, речь идет не только о любви женщины и мужчины, но и о любви к детям, к друзьям. Такой взгляд на это прекрасное чувство помогает нам обрести в своей повседневной жизни источник большой, неиссякаемой радости.

Подводя итоги, надо сказать: для того, чтобы наши нервы были крепкими, необходимо строить свою жизнь так, чтобы на первом месте стояли увлеченность трудом и любовью. Тогда ничто не сможет нарушить гармонию нервно-психических процессов, не будет причин для их несовершенства, для их слабости.

ПОДУМАЕМ
вместе

И мы бываем виноваты

Я никогда не писала в журнал, но я постоянная его читательница. Особенно внимательно слежу за рассказами о жизни работниц, люблю читать заметки о семейном счастье, о воспитании детей. Не пропускаю и тех писем, в которых женщины пишут о разладах в семьях.

Решила и я написать о том, что меня взволновало. Речь пойдет об одной недавней семейной ссоре.

К нам на завод пришла жена нашего товарища. Пришла впервые. Нас она никогда не видела, ни с кем не знакома. Ничего не спросив о муже, она, что называется с ходу, начала обливать его грязью. Чего только не наговорила, как только не унижала его! Обзывала всякими нехорошими словами, прочла вслух даже свой «дневник», в который аккуратно заносила «все грехи» мужа в течение трех лет. Что же это за «грехи», можете судить по таким записям: «С работы пришел позже на час», «ушел на

работу раньше на 20 или 30 минут», «шли по улице вместе, он часто поглядывал на других женщин»...

Очень неприятное чувство осталось у нас после встречи с этой женщиной.

Сама я замужем вот уже 15 лет. В жизни всякое бывает: радости и огорчения, ссоры и примирения. Оскорбления, особенно публичные, никому еще не помогло установить добрые отношения в семье.

Мне кажется, это не единичный случай, когда женщина, не разобравшись, часто без всяких оснований начинает срамить мужа, жаловаться на него. Не думает она о том, что тем самым теряет уважение в глазах мужа.

Давайте поговорим о том, когда мы, женщины, бываем несправедливы, когда мы сами виноваты в семейных разладах.

В. А.

Рига.

Консервирует луч

Консервы делаются примерно так: соответствующим образом приготовленный продукт герметически закупоривают в банку, затем час-другой нагревают в автоклавах до температуры 100—120 градусов. Но — увы! — не всякую пищу можно так консервировать. Кроме того, при этом способе продукты часто оказываются переваренными.

Теперь на смену такой обработке идет мирный атом. Сотрудниками Научно-исследовательского института консервной и овощесушильной промышленности и других научных учреждений в результате длительных исследований и экспериментов разработан новый метод стерилизации продуктов — с помощью гамма-лучей, испускаемых радиоактивным изотопом. Оказалось, что даже при минимальных дозах облучения жизнедеятельность микроорганизмов подавляется настолько, что срок хранения продуктов против нынешних норм можно увеличить в 4—5 раз без изменения качества пищи. Новый способ позволит сохранять свежие ягоды, фрукты, сырое мясо и другие скоропортящиеся продукты месяцами и даже годами.

Окончательно установлено, что при любых применяемых дозах облучения продукты не имеют остаточной радиоактивности, что они, следовательно, полностью безвредны.

Можно ожидать, что в недалеком будущем радиационные установки для консервирования продуктов появятся на заводах.

Газ стал волокном

Советские химики получают сейчас заказы от людей самых различных профессий. Альпинисты, например, просят создать синтетическое волокно, веревки из которого были бы легкими и прочными. Рыбаки заказывают сети, которые были бы легче воды, не топили, не рвались от ударов хвоста крупных рыб, не гнили. Работники пищевых комбинатов просят стойкую ткань для фильтров, которая служила бы дольше, выдерживала высокую температуру и воздействие органических кислот.

Недавно московские специалисты — сотрудники Института химической физики

и инженеры нефтеперерабатывающего завода создали первую промышленную установку, в которой газ пропилен, весьма дешевое исходное сырье, превращается в твердый полимер — полипропилен. Раньше этот газ считался отходом при крекинге нефти.

Волокна из нового полимерного вещества имеют много ценных свойств. Они легче, дешевле и долговечнее капрона и лавсана. Из них можно изготовлять широкий ассортимент технических изделий, в том числе и легкие канаты и нетонущие сети. Полипропилен найдет также применение в медицине и авиации, в строительном деле и в быту.

Из расплавленного полипропилена, продавленного сквозь тончайшие отверстия, можно получить нити волокон, представляющие собой тоненькие трубочки. Это своеобразные полимерные макаронки. Внутри таких нитей-трубочек находится воздух. Естественно, что ткань из подобных «макарон» будет обладать повышенными теплоизоляционными свойствами. Спортивный костюм из новой синтетической ткани будет греть лучше шубы, он не позволит человеку мерзнуть даже в самый лютый мороз. Альпинисты, геологи, мотогонщики, водолазы да и просто лыжники-любители будут благодарны создателям такой ткани.

Корабль из ткани

Корабль, который можно свернуть, словно коврик? Да, такие корабли скоро будут плавать по Каспию. Они будут перевозить нефть и питьевую воду.

Как известно, нефть перевозят в танкерах. В принципе танкер отличается от обычной канистры лишь размерами и двигателем, который и превращает морскую «канистру» в судно. Но танкер неэкономичен: в обратный рейс он идет порожняком. Это обстоятельство и побудило инженеров и ученых заменить танкер неким плавающим хранилищем нефти, которое можно было бы, когда оно опустеет, свернуть и уложить на палубу баржи.

Создать такое судно инженерам позволили успехи полимерной химии. Химики разработали гибкие и прочные оболочки, в которых можно перевозить нефть и другие жидкости по морю. К катеру или самоходной барже прикрепляется караван гибких емкостей, напоминающий гирляндку сосисок. Эти оболочки податливо изгибаются под ударами волн; они не боятся ни сильного ветра, ни шторма. Себестоимость перевозок нефти снижается в несколько раз.

Разработкой гибких «танкеров» занимается сейчас проектно-инженерное бюро Каспийского морского пароходства.

Птичьи домишки

Еще дают о себе знать морозы. По утрам на лужах блестят ледяные корки. Тонкие, хрупкие. Холодок прихватывает нос, щиплет за уши, расширяет щени. Под ногами звенит затвердевший снежок. Он почернел, в дырках.

В такую ранневесеннюю пору за городом отзвываются самочки овсянок. Песня у них не ахти какая длинная, но веселая. Отсиживаются на манушках без больших гнезд: пары уже сиренились, подыскивают места для гнездовья.

А приходится вам наблюдать в это время предвестников весны — грачей? Только прилетят — и в своих колониях устраивают скандалы на всю округу! Крик, шум, драки. И все из-за гнездовой: очень-то надо ломать прутья или тащить их из-под снега, если можно занять готовое жилище!

Но вот появляются и сиворцы. Пернатая радость весны прилетает вначале отдельными стайками, потом, смотришь, их уже великое множество.

Истати, понаблюдайте, как поет заморский странник, и вы узнаете много интересного. Певец то и дело поднимает свой длинный, беловатый клюв, вытягивает шею, часто хлопает крыльями и свистит. В переводе это означает: «Сюда давай, сюда! Здесь хорошо. О нас позаботились!»

Сиворец поет неслышно. Уж очень много шума, хвастовства. Тут и мяуканье кошки, и лай собаки, и скрип немаяной телеги, и разливы голосистой флейты, и просто чмоканье, а то и попытки напевов под соловья.

Весенний гость нахвастался разных звуков, перенял что мог и теперь вот песней отмечает свое возвращение на родину. Там, на чужбине, он не поет.

Озабочены ребята:

— Мама, а мам! Где взять доски? Велено сделать сиворечник и принести в школу...

— Отвяжись ты со своими досками...

У вас так не бывает?

А вот другая житейская картинка. По улице идут двое. Рядом с мамашей важно вышагивает школьник. В руках у него птичий домок. Прохожие невольно обращают внимание: «Какая заботливость, надо и нам так сделать».

Оно и на самом деле помочь ребятам в устройстве домиков несложно, но хочется дать несколько советов, проверенных многолетней практикой.

Лучше делать дуплянки: возьмите чурку с гнилой серединой, расколите ее на две части, очистите внутреннюю часть гвоздями скрепите заново. Устройте леток (дырку): для синиц — 3 сантиметра, для сиворцов — около 5. Полочка не обязательна. Сверху пристройте крышушку. Желателен горбыль. Снизу тоже прибейте дощечку. Снаружи дуплянку оставьте в коре, как есть.

Как и где развешивать домишки? Для сиворцов повыше, а для синиц пониже. Главная-то задача в том, чтобы дети научились привлекать и других птиц — горихвосток, мухоловок, трясогузок, дятлов. Предоставьте тут ребятам полную инициативу, а вы только поддерживайте, если понадобится, — подправьте. Пускай делают как можно больше разных дуплянок, подвешивают под крышами домов и сараев ящички, консервные баночки, приколачивают дощечки.

От такого детского труда всему народному хозяйству будет много пользы. А наблюдения за жизнью певчих лесных птиц помогут детям еще крепче полюбить родную природу. Некоторые из ребят, возможно, сумеют сделать зарисовки или сочинить стихи, написать рассказы. А разве это плохо?

В. ШЕВЧУК,
общественный инспектор
Всероссийского общества охраны природы.

ВАШИ ЦВЕТЫ

Мальва плохо переносит зиму севера. Поэтому до наступления заморозков ее выкапывают и хранят в подвале или в другом непромерзающем помещении. Весной мальву высаживают в грунт. Чтобы цветы не выпревали от избытка почвенной влаги, необходимо отводить лишнюю воду с участка.

И. МАКАРОВА,
цветовод

Тов. Ванькова из г. Кургана спрашивает, как ухаживать за комнатными розами.

Чаще всего разводят бенгальскую красную розу, которая всегда обильно цветет и зимой не теряет листву. Распространена также лиантовая роза—небольшая, но обильно цветущая кустик; очень красива бурбонская роза (при правильном уходе на кустике бывает до 100 цветков), хорошо себя чувствуют в комнатных условиях чайно-гибридные и чайные розы.

В феврале у комнатной розы почки набухают. В это время ее из прохладного помещения, где она зимовала, переносят на окно в комнату.

В марте проводят перевалку или пересадку роз. Земля для цветка должна быть дерновая с добавлением хорошего листового перегноя. Горшки для посадки нужно брать небольшие.

Подкармливать розу можно только через две недели после пересадки. Хорошие результаты дает подкормка слабым настоем коровяка или куриного помета. На литр воды берут горсть куриного помета, через два часа темно-коричневый раствор разводят водой до полу-

чения окраски чая средней крепости. Этим раствором поливают растение раз в 10—12 дней. Перед любой подкормкой розы необходимо полить водой.

Для получения красивых кустиков и регулирования цветения нужно своевременно обрезать побеги роз. Обрезка проводится сразу после перевалки. Старые побеги удаляются, а 4—5 побегов с хорошо вызревшей древесной укорачиваются, в зависимости от сорта, на 3—4 или на 5—6 глазков. Верхний глазок должен смотреть наружу, а не внутрь куста. Кроме весенней обрезки, летом нужно вырезать нецветущие и слабые побеги. Удаляющие цветки следует срезать, сохраняя на побеге верхние почки.

Розы любят свет, но не выносят сухого воздуха; на солнечном подоконнике цветки быстро раскрываются, но так же быстро и опадают, листья становятся мелкими.

Летом розы требуют много влаги, но не перелива, иначе на поверхности земли могут появиться прыгающие белые насекомые (подура). В этом случае необходимо прервать на 5—6 дней полив и посыпать землю тонким слоем березовой золы или песка. Можно также верхний слой земли осторожно снять на 3—5 сантиметров, припудрить из марлевого мешочка дустом генсахлорана (ГХЦГ) и добавить свежей земли.

Раз в неделю зелень растения надо хорошо промыть или опрыскать водой из пульверизатора. Лучше это делать вечером, когда не будет солнца. Между горшками можно поставить сосуды с водой; вода будет медленно испаряться и увлажнять воздух.

Ежедневную поливку также рекомендуется делать вечером, а в жаркие дни поливать еще и рано утром. Нельзя брать воду прямо из водопроводного крана, так как в ней много хлора. Воду лучше приготовить накануне. С конца июля — начала августа следует уменьшать полив — готовить растение к зиме.

С октября по март розы сильно страдают от недостатка света, теряют бутоны, листья начинают вытягиваться и бледнеть. Страдают они и от парового отопления, поэтому их лучше держать в прохладном помещении при температуре 8—10 градусов и лишь слегка увлажнять землю холодной водой.

Розы часто заболевают мучнистой росой (белый налет на листьях, бутонах и стеблях); на них иногда появляются паутинный клещик (мелкие паучки на листьях, особенно на нижней стороне) и тля (мелкие зеленые насекомые). При появлении белого налета необходимо опрыскать растения медно-мыльным раствором. Взять 2 г медного купороса и 20 г мыла на 1 литр воды; в $\frac{1}{4}$ этого количества воды разводят мыло, а в $\frac{1}{4}$ — растворяют медный купорос. В мыльную жидкость при помешивании вливают купорос. Излечивает растения и раствор соды с мылом: 4 г белиевой соды и 4 г мыла на 1 литр воды.

Опрыскивание проводят 3 раза с промежутком в 8—10 дней.

Если на растении появился паутинный клещик, тогда опрыскивают тиофосом (1 г на 1 литр воды) или луковым настоем (1 чайную ложку натертого лука на стакан воды). Сушки раствор настаивается, после этого его процеживают через марлю. Опрыскивают 3—4 раза через 7—10 дней.

Против тли систематически обмывайте растение мыльной водой (4 г мыла на 1 литр воды). Мыло лучше применять зеленое или хозяйственное хорошего качества.

Г. МОСЕЕВА,
научный сотрудник
Ботанического сада МГУ

Тов. Кузнецова из Омской области спрашивает, какая может быть причина, что в прошлом году у нее погибла рассада маргариток, мальвы, гвоздики турецкой и анютиных глазок.

Анютины глазки, мальва, гвоздика турецкая и гвоздика-гренадин в год посева развивают розетку прикорневых листьев, а цветут только на следующий год. На третий год большая часть растений погибает, а оставшиеся цветут довольно слабо. Поэтому лучше их каждый год выращивать из семян.

Почему у вас погибли цветы? Причин может быть несколько: сильные морозы, избыток влаги на участке весной, чрезмерное количество вегетативной массы (стеблей, листьев) и другие.

Зимой цветы предохраняют от морозов и укрывают их еловыми ветками или листьями. С наступлением теплых дней (после схождения снега) укрытие снимают. В случае угрозы весенних заморозков растения придется снова укрыть.

Руки требуют ухода

Рисунки В. Кащенко.

Если вы много шьете, то, наверно, указательный палец вашей левой руки исколот иголками. Надевайте (если это не мешает работе) перчатку от кожаной перчатки.

Ежедневный массаж пальца с питательным кремом, а потом осторожное растирание пемзой удалит шероховатость с кожи.

У машинисток на кончиках пальцев образуются затвердения. Советуем растереть их намыленной пемзой, после чего смазывать жиром.

Если руки устали и покраснели, поднимите их вверх и медленно считайте до пятидесяти. Такое упражнение следует повторять не-

сколько раз в день. Натруженными руками полезен вечерний массаж. Смажьте пальцы растительным маслом и делайте такие движения, как будто вы натягиваете тесную перчатку на каждый палец; затем массируйте руки от пальцев к запястью до тех пор, пока масло не впитается в кожу.

Если ломаются ногти, рекомендуем принимать витамин А или кальций. Укрепляет ногти и протирание их лимонным соком. Полирование ногтей кусочком замши способствует циркуляции крови, а следовательно, лучшешему питанию ногтей.

Втирая жирный крем вокруг ногтей, вы избавите себя от заусениц.

Неприятно, когда на локтях неровная, бугристая кожа. Но если вы каждый день будете осторожно проводить по локтям пемзой, а затем смазывать их жирным смягчающим кремом и не снимать крем 10—15 минут, то кожа на локтях станет мягкой, бархатистой.

У некоторых женщин руки выше локтя покрываются гусиной кожей. В этом случае рекомендуем растереть руки жесткой мочалкой и протереть кожу 2—3 раза в неделю смесью, которую легко приготовить: одеколона $\frac{1}{2}$ часть и глицерина $\frac{2}{3}$ части. Чистый одеколон сушит и портит кожу, поэтому его для этих целей употреблять не следует.

Домашняя библиотека

Книга — наш верный друг, советчик и помощник. Почти в каждой семье собирается теперь своя библиотека. И надо научиться беречь книги, поддерживать их в хорошем состоянии.

Пыль и сырость — злейшие враги книг. Не реже двух раз в год их надо чистить. Если у вас есть пылесос со специальной щеткой, тогда это сделать совсем просто. А если нет пылесоса, снимите все книги с полки, хорошенько выбейте каждую и оботрите чистой тряпкой. Иногда в книжных шкафах, которые долго не открываются, появляется сырость, запах плесени. В таком случае книги следует протереть сухой тряпкой, а шкафы оставить открытыми, чтобы проветрились.

Бывает, что в книгах заводятся паразиты, которые проедают переплеты. Переплет нужно протереть изнутри байной, смоченной скипидаром. А лучше всего два раза в году пересылайте книги перетрумом, гексахлораном или порошком ДДТ.

Как удалять пятна с книг

ЧЕРНИЛЬНЫЕ. Потрите пятно перекисью водорода (20-процентной), смоченное место оставьте сохнуть между двумя листами промокающей бумаги или проведите по пятну щеточкой, смоченной сначала в спирте, а затем в щавелевой кислоте.

ОТ ПАЛЬЦЕВ. Слегка потрите пятно мылом, затем чистой влажной тряпкой. Мокрое место высушите между двумя листами чистой промокающей бумаги.

ОТ МУХ. Слегка смочите запачканные места этиловым спиртом.

ЖИРОВЫЕ ПЯТНА. Наложите на пятно чистую промокающую бумагу, проведите сверху теплым утюгом. Проделывайте это до тех пор, пока промокающая бумага полностью не впитает жир. Если пятно старое, то приготовьте смесь

из одной чайной ложечки магнезии и нескольких капель бензина и пятно слегка потрите этой смесью. Некоторые пятна сходят, если их потереть мякишем свежего теплого хлеба.

Как почистить грязный переплет

Хорошо смешайте желток с небольшим количеством спирта. Смочите этой смесью тряпочку и потрите ею переплет, а затем протрите его шерстяной тряпкой до блеска.

Бережно относитесь к книгам, взятым из библиотеки. Если нет специальной обложки из хлорвинила, оберните их прозрачной бумагой.

Еще несколько советов

Если у вас много книг, распределите их по содержанию: исторические, политические, научные, художественная литература, книги по искусству и т. д. В каждом разделе размещайте книги в алфавитном порядке по именам авторов или названиям. Словари, атласы, энциклопедии, которыми вы и ваши дети пользуетесь постоянно, разместите на самой нижней полке шкафа.

Записывайте фамилию и адрес того, кому даете книгу, дату, название книги и имя автора, а также и книги, которые вы берете у друзей. Не стесняйтесь напомнить о книгах тем, кто забывает возвращать их, ну и сами, конечно, вовремя возвращайте чужие книги. Никогда не разрезайте книгу спицей, иглой или куском картона.

Не смачивайте языком пальцы, когда перелистываете страницы книги. Это не только портит книгу, но и вредно для здоровья.

Чтобы отметить место, где вы остановились при чтении, не загибайте углы страниц. Пользуйтесь закладками — узенькой ленточной или тесемкой.

Если вы обнаружили загнутые страницы в книге, положите сверху и снизу на загнутый край влажную промокающую бумагу и оставьте ее на некоторое время, чтобы загнутая часть страницы увлажнилась. Затем уберите промокающую бумагу, а книгу положите и придавите ее каким-нибудь тяжелым предметом.

Не пишите и не рисуйте на полях книги. В крайнем случае слегка подчеркните нужное вам место карандашом, чтобы потом легко можно было стереть.

Не оставляйте книгу открытой. Не забывайте, что от солнечных лучей цветные переплеты выгорают. Книги с такими переплетами лучше размещать в более темных местах книжного шкафа.

Из болгарского журнала «Лада».

МОДЫ

1. Пальто прямого покроя из мягкой шерстяной ткани. Карманы прорезные, с клапанами. На спинке высокая шлица (разрез) или складка от линии талии. Можно рекомендовать для всех размеров, но при крупной фигуре клетка ткани не должна быть яркой.

Ленинградский Дом моделей

2. Пальто молодежное (модель нового силуэта), расширенное книзу от линии груди. Спинка с высокой шлицей (или складкой), свободная, с двумя клапанами, застегнутыми на пуговицу. Воротник из низковорсового меха. Можно рекомендовать до 50-го размера. Ткань — буклированная цветная шерсть.

Московский Дом моделей

3. Пальто для девочки. Ткань полшерстяная, цветная, отделка из ткани в клетку. Талия занижена. Низ пальто — чуть расклешенный волан со складочной складкой.

Н. Голикова.

4. Пальто для мальчика хорошо отделать трикотажным воротником. Застежка на деревянных пуговицах, петли воздушные (не прорезные). По боковым швам внизу небольшие разрезы.

Н. Голикова

5. Для полных и немолодых женщин очень подойдет это пальто из фактурной (ворсистой) шерсти. Оно отделано бечевой из замшевых кожи, положенной по воротнику, бортам. Пуговицы обтянуты тем же материалом.

Пальто прямое, с разрезами (или складками) в боковых швах. Его можно носить с мягким поясом. Шапочку хорошо сделать из той же ткани.

Таллинский Дом моделей

На первой странице обложки:

Дирижирует народная артистка РСФСР Вероника Дударова.

Фото Н. Маторина.

На четвертой странице обложки:

За Полярным кругом. Уезжают в детский сад.

Фото А. Становова.

К этому номеру дается бесплатное приложение: выкройки платьев для выпускного вечера и детских пальто.

Редакция журнала благодарит читателей, приславших в «Работницу» поздравления в связи с Международным женским днем 8 Марта.

Главный редактор — В. Е. ВАВИЛИНА.

Редакционная коллегия: Н. С. БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ, В. П. ВЫСОЦКИЙ, В. А. ГЕРАСИМОВА, К. Ф. ДРОЖКИНА, М. Н. КОЗЫРЕВА, Е. В. КОНОНЕНКО, Е. Д. МИШИНА, А. А. СЕВЕРЬЯНОВА, З. Н. ТИМОФЕЕВА [зам. главного редактора].

Оформление художника Я. Мирошниченко. Рукописи не возвращаются. Технический редактор — А. Шагарина. Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-34-79, отд. писем — Д 3-34-15.

А 00044. Подписано к печати 5/III 1983 г. Тираж 4 000 000 экз. Зак. № 381. Изд. № 520. Формат бум. 60×92½. 2,75 бум. л. — 5,5 п. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

МОДА

